

Людмила Милевская

У жены под краваткой

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЭКСМО

Людмила Милевская

У жены под кроватью

«Автор»

2003

Милевская Л. И.

У жены под кроватью / Л. И. Милевская — «Автор», 2003

Глаша Пончикова категорически отказывалась быть верной женой. А Липочка Желтухина не желала знать, что муж изменяет с ее же лучшей подругой и соседкой Глашей. И жила она в святой наивности до тех пор, пока однажды ночью из-под ее супружеской кровати не подал голос совершенно незнакомый мужчина! В жизни преданной Липочки начинается новый период детективно-приключенческий. Чужой мужчина ночует под кроватью, родной муж возвращается из ежедневных командировок в одних трусах, а Липочка устраивается в некую подозрительную контору уборщицей и начинает дерзко шпионить.

© Милевская Л. И., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Людмила Милевская

У жены под кроватью

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Вместо эпиграфа:

Случилось встретиться на крыше трем котам.

– Неправда ли, расчудесный сегодня вечерок, – говорит первый кот, озираясь по сторонам и не находя ничего примечательного.

– Я бы даже сказал: раз-зкошный, – живо откликнулся кот второй, обнаруживая юную кошечку.

– Двужкошный! – радостно закричал третий кот, провожая глазами ее подругу.

Глава 1

Делая чрезвычайное сообщение, диктор напускал на себя очень свирепый вид. Складывалось впечатление: еще немного, он выскочит из экрана телевизора и самолично помчится ловить хитрого и опасного преступника, расплывчатые приметы которого только что сообщил.

Впрочем, Липочка не проявила к этим приметам никакого интереса. Подумав: «Пора!» – она выключила телевизор и отправилась по магазинам. Знай Липочка заранее какую роль в ее жизни сыграет этот коварный преступник, она отнеслась бы к чрезвычайному сообщению посерьезней. Но Липочка не знала и потому магазины ей казались важней.

Липочка Желтухина, обворожительная пухленькая особа, неизбежно притягивающая к себе взгляды активных мужчин, спешила домой. Задорно отбивая каблукчиками новеньких туфель мажорный ритм, Липочка излучала довольство жизнью. «Цок-цок» высекали из асфальта острые каблукчики, «цок-цок», не правда ли, день прекрасен? Да и я хороша. Всем удалась, и лицом, и фигурой, но особенно моим новым платьем, купленным по случаю отъезда мужа...

С чувством вины покидая любимую женушку, Ваня не скупился обычно, оставлял денег достаточно, на его, конечно же, взгляд. Липочка так не считала, но мгновенно и радостно тратила то, что попадало в ее цепкие ручки. Вот и сейчас, все, что оставил Ваня...

Вспомнив о муже, Липочка слегка взгрустнула: сморщила курносый носик, надула пухлые губки, обиженно захлопала кукольными ресницами. Ах, как нехорошо, опять он уехал, оставил жену одну... Когда уже кончатся эти его противные командировки? Тяжело быть женщиной: слишком часто приходится ждать.

А что делать? Надо мириться, ведь мужчины все одинаковы.

Липочка Желтухина (в девичестве Боткина) в свои тридцать лет уже поняла как мало в жизни разнообразия и как невелик, порой, выбор. Взять, хотя бы, ее родовую фамилию, напоминающую не только о великом медике, но и о болезни, гениально открытой им. Сама Липочка желтухой не болела, но фамилию свою ненавидела всеми фибрами души. Как ни старалась она избавиться от противной болезни в этой фамилии, но дальше сочетания букв дело не шло: что Боткина, что Желтухина – разница невелика. Смысл-то остался прежним.

Конечно же, Ваня Желтухин – Липочкин муж – был далеко не единственный претендент в женихи. Придирчиво рассматривались и другие кандидатуры. К примеру, Пашу Виурсова тоже сразила мягкая и уютная красота Липочки, но о нем девушка даже слышать не желала. Уж чем Виурсов, пусть лучше Желтухин, все ж поприличней. В общем-то, все в жизни сладилось, и Ваня прекрасный муж и дом полная чаша, но все же нет у Липочки ощущения полного счастья: роль капли дегтя играет фамилия.

Всякий раз, когда ее приходится произносить вслух, Липочка вспыхивает и испуганно оглядывается – засмеют, сейчас засмеют... Короче, еще те мучения.

И, что обидней всего, такая проблема у многих: миллионы людей пожизненно сражаются с одной и той же бедой. Кого ни возьми, даже самого благополучного, на чем-нибудь его все равно заклинит. Нет в этом мире абсолютного счастья...

Да и никакого нет. Сплошные мучения. Один недоволен своим ростом, другая своими ногами, тот вбил себе в голову, что он круглый дурак и потому устремился в науку. Себе он, конечно, уже ничего не докажет, но зато других убедит, что умен, раз профессор. А четвертый вообще всю жизнь положил на борьбу с тещей. Пятый, хуже того...

Вот взять хотя бы подружку Глафиру Булочкину. Впрочем, у Глаши проблемы те же, что и у Липочки. Ее мама в девичестве была Пирожкова, но так и не смогла далеко отойти от своей фамилии, как того ни желала. Это желание она передала и своей дочери. До чего же страдала Глаша из-за своей сдобной фамилии, как мечтала поскорей от нее избавиться и что же? Из

толпы женихов нашелся только один приемлемый и тот оказался Пончиковым. Какова трансформация: Пирожкова-Булочкина-Пончикова? Интересно, что ждет Глашину дочь – если она родится? Какую фамилию ей будущий муж приправит? Пышкина? Ватрушкина? Или Кулебякина?

Просто беда. Одно расстройство.

Впрочем, долго расстраиваться Липочка не умела. Она была гедонистка. Любое событие или предмет она тщательно изучала, прикидывая, чем это может ей быть приятно. Липочка умела наслаждаться всем всегда и везде. Если она не наслаждалась, то удивлялась и сразу сердилась.

Но в этот день она сердиться не собиралась. Новое платье и новые туфли очень способствовали хорошему настроению. А если прибавить к обновкам огромный песочный торт, который она торжественно несла в прозрачной коробке, то можно сказать, что в душе у Липочки был самый настоящий праздник, который случается у каждой женщины, решившейся на час или два отказаться от диеты.

Вот в таком-то счастливом состоянии и подошла Липочка к своему дому, радуясь уже не только туфлям, платью и торту, но и отъезду мужа. Дело в том, что по традиции к торту полагалась Пончикова Глафира – гулять так гулять, подруге тоже не помешает соскочить с диеты. Но Ваня и Глафира не совместимы. Почему-то.

Липочка не знала почему. Как он догадывается, что забегала Глафира? Может по запаху? Глафира обожает дорогие и очень стойкие духи...

В любом случае Липочка старалась не нервировать мужа. Зачем? Ведь он так часто уезжает в командировки...

«Ах, как вкусно!»

Липочка покосилась на торт, облизнулась и поспешила к своему подъезду, но была остановлена дворничихой тетей Маней – огромной мужеподобной бабищей.

– Нет, ну что же это делается? – возмущенно пробасила та.

Липочка вежливо поинтересовалась:

– А что у нас делается?

– Ты только полюбуйся, дорогуша, каку таку шмотку выкидают энти уроды, – радостно пожаловалась дворничиха и почему-то добавила: – Совсем зажрались, сволочи.

Липочка «полюбовалась» – в руках у тети Мани действительно были дорогие и еще совсем новые мужские вещи.

– Вишь, пинжачок, – похвасталась дворничиха, – доллиров на двести тянеть, не меньше. И брюки, и рубашка, и гальстук из бутика. Даже ремень. Глянь, пряжка какая. Думаю, Версача. Или Гуча. Или еще кака гадость похуже свалилась с балкона...

– С балкона? – удивилась Липочка. – С какого же?

– Да фиг его знает, – отмахнулась дворничиха. – Вот тут и нашла.

И она кивнула под Липочкин балкон.

– Странно...

Липочка задрала свою очаровательную головку, с дорогой лохматой стрижкой, и принялась гадать:

– Кто же мог это выбросить?

– Вот и я думаю – кто? – присоединилась к ней дворничиха.

На первом этаже пожилая и умная учительница сражалась со своей непутевой дочкой, ее алкоголиком мужем и тремя внуками. Ее сразу из подозреваемых исключили по причине крайней нищеты. На втором этаже проживала достойная чета преклонных лет. Она – вечно больная лентяйка, к разврату с юности неспособная. Он – маленький мужчина, но большой начальник. Вряд ли станет кидаться костюмами. Да и размер не его. Рост, тем более. Балкон третьего этажа принадлежал самой Липочке. Муж ее (о чем разговор) одевается только в бути-

ках, но он в командировке. К тому же, прекрасно воспитан – не имеет привычки что-либо с балкона бросать.

Да и ростом он поменьше, да и фигурой повнушительней.

Остаются четвертый и пятый этажи. На четвертом живут две сестры, обе старушки. На пятом вообще никто не живет. Липочка удивленно уставилась на дворничиху:

– Ума не приложу.

– Вот и я не знаю, – обрадовалась та. – Придется оставить себе костюмчик.

– Это очень справедливо, – согласилась Липочка и направилась в подъезд.

Однако происшествие из головы не шло. Уж больно странно: новый с иголки костюм лежит под балконом. Да под чьим! Добро бы под Глашиным. Глаша Пончикова категорически отказывалась быть верной женой, точно так же, как ее супруг отказывался быть трезвым мужем. Но балкон Глаши выходит на другую сторону дома, хоть и соседствует с балконом Липочки. Пожалуй, даже, если хорошенько постараться: перекинуться через перила, жизнью рискуя, да размахнуться посильней, то можно и сбросить с него что-либо под Липочкины окна... Да только кому это нужно?

С такой мыслью Липочка и вошла в свою квартиру и сразу позвонила подруге:

– Глаша, срочно приходи. Мой в командировке. Я только что из магазина вернулась, купила туфли, платье и обалденный торт. Твой любимый.

Тортом Глафиру трудно было удивить, у нее был свой, тоже песочный. Аккуратно разрезанный на куски, он покоился на фарфоровом блюде в обществе букета роз и бутылки шампанского. Но Глафира хвастать этим событием на стала, а, как настоящая подруга, визгливо выразила восторг.

– Торт! Какая прелесть! Липусик, бегу, – радостно воскликнула она и, сладко потянувшись в объятиях Ивана Семеновича Желтухина, лениво констатировала: – Твоя звонила. Торт лопать зовет.

– Опять? – поразился тот.

– Увы, – торопливо драпируя домашним халатом свою соблазнительную наготу, подтвердила Глафира. – Надо идти, иначе Липка припрется сюда, благо, рядом квартиры.

– Ну что ты будешь делать! – удручился Иван Семенович Желтухин. – Нигде мне нет покоя! Что у меня за жена? Только муж за дверь, как она черт-те за что принимается.

– Не волнуйся, я скоро, – успокоила его Глафира. – А ты посуду пока помой.

Она выскользнула из своей квартиры и позвонила в соседнюю.

Неприученный к домашней работе Иван Семенович тяжело вздохнул и покорно поплелся в кухню, но мыть посуду не стал, а нервно закурил. Он страдал. И понять его можно: надо думать, нелегко изменять любимой жене. Совесьть мучает, сердце ноет... Но и не изменять Иван Семенович не мог – так был устроен. Мужчина.

«Э-хе-хе, бедная моя Липочка, – с нежностью в сердце думал он, – поди, без меня скучает, без единственного своего. Святая она у меня, святая. А я, подлец... Но ничего, вот из командировки вернусь и в театр ее поведу. Давно уж, солнышко, просится, вечернее платье хочет всем показать».

Хлопнула дверь – вернулась Глафира.

– Так быстро? – удивился Иван Семенович.

– Да уж, Ваня, шизанулась твоя жена. Ты бы реже ее оставлял одну.

Испугался Желтухин:

– А в чем дело?

– Слишком впечатлительная она, – небрежно чмокая его в лоб, пожаловалась Глафира. – Дворничиха шмотки мужские под вашим балконом нашла, Липка сидит теперь в полной прострации. Представь: порезала торт, половину слопала и клянется мне смертно, что ни крошки в рот не брала. Как не брала? А куда ж торт подевался?

Желтухин озадаченно покрутил головой, не зная что отвечать, Глафира же с чувством продолжила:

– Этак скоро она будет похожа на бегемота, с диетой такой. Ладно, черт с ним с тортом. Ты знаешь меня, я не привереда. Будем есть то, что осталось. Я, хоть и сыта, но пошла в ванную культурно руки помыть перед едой, а там... Там полотенце мокрое. Липа, говорю, повесь сухое. Липа прибежала и давай меня убеждать, что полотенце нормальное. Абсолютно свежее, говорит. Но я-то не дура, отвечаю, пощупай сама. Это, вааще, что такое? Называется, в гости пригласила меня. Торт обгрызла, полотенце мокрое сунула... Короче, я обиделась и ушла.

– А Липочка что же? – растерялся Иван Семенович.

– Так с мокрым полотенцем в руках и застыла. Задумалась. Ой, Ваня, непутевая у тебя жена, – заключила Глафира и про себя отметила: «И раньше была не слишком умна, а теперь и вовсе чокнулась».

Разумеется, после такого сообщения Иван Семенович Желтухин спокойно изменять жене уже не мог. Не такой он был человек, равнодушный. Поэтому теперь изменял он своей Липочке с большой тревогой в сердце: как там она, бедняжка? Что поделявает?

К ночи темперамент пошел на убыль, а тревога усилилась. Одолели плохие сны, разыгралась ревность. Иван Семенович вскочил, охваченный плохими предчувствиями, и, свесив ноги с кровати, подумал: «Не пойду завтра к Ниночке. Из командировки срочно вернусь, в конце концов жена дороже».

Проснулась Глафира, томно заворочалась в постели, лениво спросила:

– Вань, ты куда?

– На кухню, Глашенька, покурю.

– Нет, не кури на кухне. Мой завтра припрется и сразу унюхает. Будет скандал. Он чем больше пьет, тем сильнее ревнует. Иди на лестничную площадку.

Иван Семенович удивился:

– Да как же, Глаша, на площадку? Там соседи. И Липочка, не ровен час, заметит.

Глафира нехотя оторвала голову от подушки, включила ночник, глянула на часы и рассердилась:

– Какая Липочка? Какие соседи? Три часа ночи! Все спят уж давно!

«Она права», – подумал Иван Семенович да прямо в трусах на лестничную площадку и потрусил. Там он выкурил сигаретку, потом другую – уж очень как-то занервничал, Липочка-солнышко сильно волновала его.

Липочка, кстати, тоже плохо спала, словно ловила флюиды мужа. Ворочалась на кровати, вздыхала, несколько раз выходила на балкон, даже Глафире хотела звонить, обнаружив свет в спальне подружки. Но передумала и вернулась в постель.

«Завтра ей позвоню», – решила и... вспомнила, что не закрыла за Глашей дверь.

– Прав мой Ваня, я беспомощная. Вот, спать с незапертой дверью улеглась, – с досадой воскликнула Липочка и поспешила в прихожую исправлять оплошность.

Иван Семенович в этот момент как раз загасил сигаретку и, с нежным вздохом вспоминая о любимой жене, уверенно шагнул... к родной квартире. Случилось то, чего Иван Семенович боялся много лет: он взялся за ручку, свою дверь поспешно толкнул и с ужасом подумал: «Что я делаю, дурак? Ноги сами в стойло идут! Поворачивай, черт! Поворачивай!»

Но было уже поздно: в прихожей загорелся свет – всплеснув руками застыла Липочка. Сквозь прозрачную ночнушку розовела ее пышная нагота – стоя в одних трусах, Иван Семенович подумал: «Допрыгался, грязный кобель!» И обмер.

А Липочка растерялась от многообразия чувств: и радость, и испуг (муж все же в трусах), и любопытство, и удивление раздирали ее непримиримыми противоречиями. Она не знала как реагировать и повела себя обычно.

– Ваня, – ахнула она, – зайчик мой, ты же в командировке!

– Так вернулся, – не моргнув глазом, сообщил Желтухин и, переминаясь с ноги на ногу, добавил: – Внезапно.

– А почему в одних трусах? – изумилась Липочка.

– Так обокрали.

– Ах, зайчик мой! – всплеснула пухленькими ручками Липочка, падая на грудь мужа. – Как же это случилось?

– Убей – не помню, – горестно признался Иван Семенович, нежно поглаживая упругую спинку жены. – Думаю, клофелинщиков дело. Свирепствуют сейчас они, – пояснил он и с ужасом осознал, что вышел покурить в шлепанцах Глафиры.

Но Липочка шлепанцев не заметила, зато обнаружила на мужниной волосатой руке баснословной цены «Ролекс» и обрадовалась:

– Ой, Ваня, тогда они дураки, эти клофелинщики, часики-то снять не догадались.

– Да уж, – самодовольно согласился Иван Семенович. – Самое ценное удалось сохранить. Уперся и ни в какую... Ты ж меня знаешь.

Тут Липочка вспомнила о своих обязанностях и потащила мужа в кухню: кормить и поить. По ходу Иван Семенович умудрился скользнуть в ванную и определить там, что Глафира неправа: полотенце-то сухое.

В кухне, пока Иван Семенович заправлялся салатом из помидоров и тушеным в сметане кроликом, Липочка радостно висла на его мощной шее и нежно ворковала:

– Мой ты зайчик, соскучился, проголодался, чмок, чмок, чмок-чмок-чмок...

Она забыла совсем, что с мужем не далее как в обед рассталась. За это время иной мужчина толком и проголодаться не успеет, не то что соскучиться. Но Желтухин был не таким. Невзирая на глубокую ночь, он ел с аппетитом. Всегда был рад человек плотно покушать, да и Глафира не слишком кормила. Что такое этот торт?

«На раз куснуть, – осудил он Глафиру, позабыв, что сам торт ей и купил. – То ли дело тушеный кролик. Ручки у Липочки золотые...»

Кролик исчезал с умопомрачительной скоростью.

«Хорошо что вернулся, – уже с радостью подумал Желтухин. – Блядство-блядством, а родная жена лучше. И накормит, и приголубит, и поболует душой. Вот где она, эта Глафира? Спит и плевать ей что я исчез, а Липочка вон как мне рада».

И от полноты чувств Иван Семенович взял да и рассказал жене о своих мытарствах: как очнулся в чем мать родила, как нашел в кустах трусы (ироды хоть что-то прикрыться оставили), как попался добрый таксист да за спасибо отвез домой. Короче, на выдумку не скупился. Липочка слушала, охала и качала головой, всей душой переживая за мужа. Время от времени она скидывала свою пухлую ручку и с нежностью опускала ее на лысину мужа: «Ах, ты зайчик мой!» «Не переборщить бы», – жадно поедая кролика, с опаской подумал Иван Семенович, дивясь доверчивости жены. Подумал, смутился и быстренько рассказик свернул. Вытирая жирные губы салфеточкой, нежно сказал:

– Спасибо, Липочка-солнышко, наелся. Теперь ванну принять хочу.

Липочка засуетилась:

– Конечно, конечно, мой зайчик.

И скоренько все устроила. Пока муж плескался в джакузи, смывая тайные грехи, Липочка даром времени не теряла: порхнула в спальню, подкрасила глазки, поправила причесочку, накинула пеньюарчик и присела на кровать, прикрыв глаза в истомном ожидании. Возвращаясь из очередной командировки, всякий раз Ванечка набрасывался на жену, как дикий зверь в брачный период. «Вот как оголодал, – радовалась Липочка. – Сразу видно, что верный муж».

Правда в этот раз, как выяснилось, муж далеко не уехал, можно сказать, что сразу вернулся, но Липочка знала своего Ваню, а потому готовилась.

«Ах, про духи забыла!» – вспомнила она. Пухлая ручка потянулась к туалетному столику.

– Под левым ушком, под правым ушком, – приговаривала Липочка, орошая себя французскими духами, – на грудку и на животик, и пониже, на всякий случай, ах...

Неловкое движение, и крышка от флакона выскальзывает из руки, катится по ковру, исчезает из вида...

– Ну что я за недотепа?

Липочка вздыхает, опускается на колени, заглядывает под кровать и... издает нечеловеческий вопль.

Под кроватью чужие глаза!

Под кроватью голый мужчина!

Глава 2

«Голый мужчина?! Под моей кроватью?! Ночью?!» – пронеслось в голове у Липочки и бедняжка похолодела.

«Хорошо, что Ваня вернулся», – секундой позже решила она и, охваченная ужасом, уже готова была бежать за мужем, но незнакомец взмолился:

– Прошу вас, не бойтесь меня. Я сам вас боюсь и дрожу тут как лист осинový. Клянусь, что не принесу вам вреда.

Почуввав миролюбивое настроение мужчины, Липочка слегка успокоилась и спросила:

– А как вы сюда попали?

Но незнакомец не успел ответить – в спальню ворвался голый Иван Семенович. Весь в пене он выскочил из ванны, галопом прибежал на дикий крик жены, очень взволнованный закричал:

– Дорогая, что здесь случилось?

– Ничего, зайчик, – с обворожительной улыбкой по-привычке солгала Липочка. – Крышка от духов под кровать закатилась.

Жена стояла на четвереньках. С задранной кругленькой попкой, с выложенной на ковер пышной грудью, в прозрачной пенюарчике она была обворожительна.

– Крышка по кровать закатилась, – растерянно повторил за женой Иван Семенович, но не стал допытываться почему по столь ничтожной причине надо так громко визжать.

Обласкав Липочку взглядом, он нестерпимо захотел поскорей смыть с себя пену и приступить к исполнению супружеского долга, а потому поспешил в ванну, лишь подумав: «Женщина. И очень впечатлительная».

Как только за мужем закрылась дверь, Липочка осознала в полном объеме, что на самом деле с ней приключилось: ночью в спальне под кроватью лежит голый мужчина, а Ванечка внезапно вернулся из командировки. Банальная история, способная круто изменить Липочкину жизнь. Причем, не в лучшую сторону. Вряд ли Ваня поверит, что его женушка и голый мужчина видят друг друга впервые и даже не познакомились.

Похолодевшая Липочка сунула голову под кровать и нервно прошипела:

– Зачем вы залезли сюда, кретин? Кто вы?

– Как «кто»? – удивился тот. – Вы же сами сказали – кретин.

– Тогда вылезайте!

– Зачем?

– Чтобы вас не увидел мой муж.

Пораженный логикой Липочки, незнакомец рассмеялся:

– Думаете, там, наверху, я буду менее заметен, чем здесь, под кроватью?

«Ну и наглец», – подумала Липочка и вежливо спросила:

– Но как вы сюда попали? И почему вы без одежды? Представляете, что будет, если вас увидит мой муж? Он только что неожиданно вернулся из командировки, а под его кроватью в его спальне мужчина. Совершенно голый мужчина!

Липочка сама представила эту картину и еще раз пришла в ужас.

– Я не совершенно голый, – успокоил ее незнакомец. – Я в трусах.

– Очень за вас рада. Раз вы так сильно одеты, вылезайте из-под кровати и немедленно покиньте мою квартиру. Скорей, скорей! – заспешила она. – Пока муж в ванне, он вас не заметит.

Однако, незнакомец и не подумал выходит.

– Вы шутите? – спросил он. – Куда я пойду в одних трусах?

Липочка рассердилась – что за капризы?

– Не морочьте мне голову, – воскликнула она и сделала неожиданное заключение: – Вы не мужчина!

– Почему это? – обиделся незнакомец.

– Потому, что не можете решить даже такой ничтожной проблемы. Мой муж в одних трусах приехал с другого конца Москвы. Только что. Почему бы вам не повторить его подвиг?

Похоже, незнакомец удивился.

– А что вашего мужа заставило разгуливать по Москве в трусах?

– Его обокрали, – обиженно сообщила Липочка.

– Надо же, – воскликнул мужчина, но выразить свое отношение к происшествию не успел – пришел хозяин спальни, Иван Семенович Желтухин.

– Солнышко, – удивился он, застав жену в прежней позе (на четвереньках), – с кем ты здесь разговариваешь?

– Сама с собой, мой зайчик, – поспешно вскакивая с колен, заверила Липочка. – Ругаюсь. Крышка так далеко закатилась...

Иван Семенович прервал жену:

– Сейчас тебе помогу.

Желтухин действительно сделал попытку заглянуть под кровать. Липочка обмерла. Незнакомец не растерялся: мгновенно отыскав крышку, он щелчком пальцев отправил ее прямо под ноги Желтухину. Тот, торжествуя, воскликнул:

– Да вот же она! Липочка, какая ты у меня беспомощная.

– Да, я такая, – вынуждена была признать жена, торопливо откидывая одеяло и забираясь в постель.

Желтухин погасил свет и поспешил под бочок к супруге. Привычным движением он сжал ее пышную грудь – Липочка, вопреки обыкновению, не сладко охнула, а напряглась и смущенно прошептала:

– Не сейчас, дорогой.

Иван Семенович был потрясен – такого еще не бывало. Липочка – примерная жена, никогда мужу не отказывала. Иван Семенович подумал, что ослышался и повторил попытку, но, увы, с тем же результатом.

– Не сейчас, дорогой, – слегка отстраняясь, шепнула Липочка.

– Не сейчас? А когда? – растерялся Желтухин.

Липочка молчала. Она не знала когда незнакомец покинет свой пост под кроватью.

Ивана Семеновича встревожило молчание жены, он разволновался:

– Солнышко, что случилось? Уж не больна ли ты?

– Больна! Конечно больна! – обрадовалась Липочка и подумала: «Почему мне самой это в голову не пришло?»

– А что у тебя болит? – искренне заинтересовался Желтухин.

Липочка растерялась:

– Что у меня болит? Что у меня болит?

Как здоровый человек, она не знала, что обычно болит в таких случаях. Для подобного отказа, думается, причина должна быть серьезной.

– Может живот? – сердобольно спросил Желтухин.

Получив подсказку, Липочка вторично обрадовалась и закричала:

– Да-да, живот! Сильно болит живот! Зайчик, принеси мне воды, пожалуйста!

Иван Семенович сомневался, что живот лечат водой, но, не смея искать логику в своей жене, послушно отправился на кухню. Едва он вышел из спальни, как Липочка бросилась на пол, заглянула под кровать и лихорадочно зашептала:

– Умоляю, вы должны хоть ненадолго выйти! Мой муж приехал из командировки! Вы сами мужчина, должны понимать!

– Прекрасно понимаю и даже отвернулся, – горделиво отвечивал тот.

– Этого мало, выходите! – потребовала Липочка.

– Но я вам не мешаю. Практически уже сплю. Делайте что хотите.

– Я порядочная женщина и при вас не могу, – со слезами призналась Липочка. – Это же групповуха какая-то. Умоляю, выйдите, хотя бы ненадолго.

– Куда я выйду? – удивился незнакомец.

– Хотя бы на балкон.

– В одних трусах?

– Господи, я же не на площадь вас гоню. Всего лишь на балкон. Там и постоит.

– Там холодно, – заупрямился незнакомец. – Я простужусь.

Липочка поразила:

– Какой вы эгоист! И к тому же бессовестный. Пришли в чужой дом и командуете. Сейчас же отправляйтесь на балкон. Не бойтесь, не замерзнете. Вам не придется там долго стоять.

– Откуда вы знаете? – усомнился незнакомец.

Липочка выдвинула веский аргумент:

– Мы пять лет живем с мужем.

Незнакомец задумался. Липочка усилила натиск.

– Умоляю, постоит на балконе, – зашептала она, – а когда муж заснет, снова залезете под свою кровать.

«Ого уже под свою», – удовлетворенно подумал незнакомец и бодро согласился: – Хорошо.

Липочка вздохнула с облегчением, но... вернулся супруг с водой. Незнакомец остался под кроватью.

– Солнышко, а вот и я, – засюсюкал Иван Семенович.

Липочка впервые в жизни не обрадовалась мужу. Еще бы, ведь она снова встречает его на четвереньках – увы, это единственно возможная поза, если возникает желание заглянуть под кровать.

– Солнышко, – изумился Желтухин, – опять? Опять крышечка закатилась?

– Нет, Ваня, теперь живот. Так он меньше болит.

– Какой ужас! – посочувствовал Иван Семенович. – Выпей, солнышко, водички, может полегчает.

Судорожно ломая голову под каким бы еще предлогом выпроводить мужа, Липочка сделала вялый глоток и бодро возмутилась:

– Фу-уу, Ваня, это же кипяченая.

Муж растерялся:

– Ну да, солнышко, ты же другой не пьешь.

– Но сейчас мне нужна сырая вода.

Желтухин повел себя как настоящий мужчина: он не стал спорить с женой, а послушно отправился на кухню. Как только он вышел из спальни, Липочка сунула голову под кровать и неистово прошипела:

– На балкон!

На этот раз незнакомец спринтерски выполнил команду, после чего Липочка поспешно закрыла за ним дверь.

– Зачем вы это сделали? – разволновался незнакомец.

– Чтобы вы случайно не вернулись, развратник, – пояснила Липочка.

Совершенно глухая к протестам незваного гостя, она бегло полюбовалась собой у зеркала и отправилась под одеяло. Незнакомец, осознав бесплодность возражений, затих. Довольная собой, Липочка ждала мужа. Когда он вернулся со стаканом воды, она на всякий случай сказала:

– Ванечка, я так сильно тебя люблю...

– Ах ты солнышко мое, – растрогался Иван Семенович, – выпей водички.

Липочка выпила и сообщила:

– Полегчало.

Иван Семенович расценил это как «можно» и, подумав: «Вот и пойми этих женщин, водой лечат живот», – незамедлительно приступил к исполнению супружеского долга. Липочка всячески его поощряла, но вдруг почувствовала, что внимание мужа чем-то отвлечено.

– Ванечка, что-то не так? – нежно прошептала она.

– Солнышко, все прекрасно, но душно. Зачем ты закрыла балкон? Пойду открою.

И он действительно покинул кровать. Липочка обомлела: это конец! Ужас ее был так велик, что ничего путного в голову не приходило. Тогда Липочка повела себя как настоящая женщина: она громко завизжала. Ивана Семеновича, уже взявшегося за ручку балконной двери, здорово передернуло.

– Что случилось? – закричал он, мужественно умиряя биение сердца и покрываясь испариной.

– Ваня, живот! – нечеловеческим стоном пояснила Липочка и уже вполне здраво добавила: – Не открывай балкон, я застудилась.

Желтухин сильно любил свою жену, он оставил дверь балкона в покое и, покорно вернувшись в постель, исполнил, наконец, свой супружеский долг. И сразу заснул, сморенный предыдущими (очень бурными) отношениями с Глашей, последующими переживаниями за жену и бессонной ночью. Супружеский долг, точнее, его добросовестное исполнение лишило Ивана Семеновича последних сил. Желтухин вырвался из сложностей реального бытия и погрузился в сладкую химеричность Морфея. Он спал как ребенок, бессознательно ощущая тепло жены и нежно бормоча ее имя. Благодарная Липочка собралась поступить так же: сладко заснуть. Но, положив ладошку на волосатую Ванину грудь, покрытую мягким уютным жирком, Липочка вспомнила про незваного гостя и вздохнула:

– Какая неприятность.

Словно услышав ее, незнакомец жалобно заскребся в балконную дверь. Липочка представила как она впускает его, как он ломится под кровать и... в этот драматический момент просыпается Ваня. Охваченная ужасом она толкнула мужа в бок:

– Ваня, Вань, пойдی в ванную, помойся.

Желтухин, не совсем еще проснувшись, автоматически выразил недоумение:

– Прямо сейчас?

– Ванечка, новое белье постелила, – взмолилась Липочка.

Иван Семенович очень любил жену. Помацав себя под одеялом руками и ощутив привычную сырость, он подивился: чем теперь можно спасти белье? Но в ванную, не совсем разбуженный, все же поплелся. Раз солнышко требует... Едва он вышел за дверь, Липочка вспорхнула с кровати и нехотя впустила в комнату продрогшего незнакомца.

– Что вы трясетесь? – попеняла она ему. – На дворе лето, а вы тут клацаете зубами.

– Лето летом, а ночи холодные, – парировал тот, деловито устремляясь в тепло под кроватью.

Потрясенная Липочка схватила за руку наглеца и пропищала:

– Ну уж нет, хватит. Пока муж в ванной, извольте покинуть мою квартиру.

Незнакомец изумленно уставился на нее – Липочка мысленно отметила, что у него красивые и очень добрые глаза. Но все же повторила:

– Извольте покинуть мою квартиру.

– Вы шутите? – растерянно спросил он.

– Вовсе нет. Ваше присутствие грозит мне крупным скандалом, чтобы не сказать крахом семейной жизни.

– Крахом вашей семейной жизни грозит ваше же неразумное поведение, – заявил незнакомец. – Будьте тише, дождитесь когда муж уйдет на работу, а потом уж со мной разбирайтесь.

Такой совет лишил Липочку дара речи. Она долго хлопала кукольными ресницами, а потом возмутилась:

– Ну вы и нахал. Сейчас же выметайтесь из моего дома или я шум подниму.

Разумеется, она блефовала, но шум, между тем, поднялся в гостиной – Ваня в потемках опрокинул торшер. Липочка вздрогнула, а незнакомец невозмутимо сообщил:

– Ну, вы как хотите, а я к себе.

И ловко нырнул под кровать. Делать нечего: взбешенная Липочка улеглась в постель, сложила ручки под щечкой, закрыла глаза и засопела. И очень вовремя – в плохом настроении вернулся Ваня. Он хотел незамедлительно выступить перед женой с обличительной речью: бесчеловечно усталого и пострадавшего человека, героически вернувшегося из неудачной командировки, гнать среди ночи в ванную. И этот дурацкий торшер! Он все время стоит на дороге!

Почему?

Торшер в данный момент интересовал Ивана Семеновича даже больше всего остального, но, увидев сладко спящую жену, Желтухин сразу остыл и от речи решил отказаться. Кряхтя, он улегся под теплый бочок и мгновенно заснул.

Но к Липочке сон не шел, точили грустные мысли и все о незнакомце: кто он? Как попал под кровать? И с какими намерениями? Все это Липочке вдруг захотелось немедленно знать. Поворочавшись в постели, она (человек слаб) не выдержала и полезла под кровать, так было велико ее любопытство. Ей-то не спалось, а вот незнакомец спал сном праведника. Липочка потрясла его за плечо и сердито прошептала:

– Мужчина, мужчина, сейчас же проснитесь.

Он проснулся, открыл глаза и закричал дурным голосом:

– А-аа! Кто вы? Где я?

«Я пропала!» – содрогнулась Липочка и испуганно зажала незнакомцу рот.

– Вы под моей кроватью, – зашипела она, тревожно прислушиваясь к храпу Вани.

Желтухин был так истощен неиссякаемой Глашей, что не реагировал даже на крик – спал как убитый. Успокоившись, Липочка повторила:

– Мужчина, вы под моей кроватью.

И убрала ладошку с губ незнакомца.

– А что я здесь делаю, под вашей кроватью? – тут же полюбопытствовал он.

– Это и мне интересно, – призналась Липочка.

– А вы кто?

– Хозяйка квартиры.

– Какой квартиры? – вполне искренне изумился незнакомец.

– Моей.

– А что я здесь делаю?

– Вы лежите здесь под кроватью.

– А вы кто?

– Господи, да хозяйка квартиры, – теряя терпение, рассердилась Липочка и добавила: – Черт возьми.

– А мне-то вы кто? – рассердился и незнакомец. – И зачем вы засунули меня под кровать?

– Вам я никто, просто женщина, хозяйка этой квартиры, – сокрушенно повторила Липочка и, взяв себя в руки, терпеливо пояснила: – Вы лежите под моей кроватью по своему желанию. Я вас сюда не запихивала.

– Какой ужас, – воскликнул мужчина. – Мы разве знакомы?

– В том-то и дело, что нет, но говорите, пожалуйста, тише. Над нами мой муж спит.

Едва она это промолвила, как комнату сотряс страшный звук – видимо помидоры и кролик в желудке обладают сокрушительной силой. Еще звук: настоящее грохотание. За ним другой, более раскатистый и продолжительный, за ним еще и еще. И затихло.

– Что это? – струхнул незнакомец. – Что это было?

Липочка смущенно пояснила:

– Мой муж, я слишком хорошо его покормила.

– Фу-уу! Ну он у вас и свинья.

– Вовсе нет, – обиделась Липочка. – Просто мой Ваня есть с большим аппетитом и очень крепко спит. Разве вы себя во сне контролируете?

– Надеюсь, что да.

– Я тоже на это надеюсь. Если начнете еще и вы... Кстати, он очень ревнивый.

– Кто?

– Да мой муж. Он там, на кровати, вы разве не поняли?

– Ваш муж? – растерялся незнакомец и сразу потребовал ответа: – Сейчас же скажите, что между нами было?

– В том-то и дело, что ничего. Ничего не было, но как доказать это мужу?

– Сначала докажите мне, – заявил незнакомец. – Как такое возможно: на кровати муж издает неприличные звуки, я с вами прячусь под кроватью, и мы даже не знакомы? Так вас понимать? Или вы развратная женщина и то, что между нами произошло, не считаете поводом для знакомства. Если так, знайте, я не такой. Я очень серьезный.

– Оно и видно, – ядовито заметила Липочка. – Серьезные люди под чужими кроватями не валяются.

Незнакомцу крыть было нечем, и он обиженно засопел. Это была победа, ее победа, но Липочка не торжествовала. Состоявшаяся беседа ее потрясла: выходит, этот мужчина сам не в курсе как попал в чужую квартиру. Почему? Может он сумасшедший? Или память потерял...

Из мексиканских сериалов Липочка уже знала, что потеря памяти рядовое явление. «Бедный он бедный, – подумала она, сжимаясь от сострадания, – сиротливо лежит под моей кроватью... Однако, правильно я сделала, что скрыла сей факт от Вани, – тут же порадовалась Липочка. – Я честна, но как бы поверил мне муж, когда даже этот не верит. Кстати, а как его зовут?»

– Вы хоть имя-то свое помните? – сочувственно спросила она.

– Имя помню, – откликнулся незнакомец. – Я Роман.

«И имя у него неподходящее, с каким-то намеком. И вряд ли мужу понравится», – окончательно расстроилась Липочка и прошептала:

– Послушайте, мне вас жалко. Как вы здесь лежите? На голом полу очень жестко.

– Да, здесь совсем неудобно, – согласился Роман. – Но пол ничего, с этим бы можно смириться. Больше всего мне не хватает подушки. Знаете ли, я на высоком спать привык.

– Сейчас вам помогу, – пообещала Липочка.

Она осторожно выбралась из-под кровати, прокралась в чуланчик, отыскала старый надувной матрас (на котором очень любил плавать в море Ваня), потом сняла с полки подушку и латаное бабушкино одеяло (которое давно пора выбросить да все некогда) и очень собою осталась довольна. Подушку и одеяло она незамедлительно отправила под кровать, сообщив Роману:

– Пока ограничьтесь этим, а я попробую еще кое-что сделать для вас.

– Огромное вам спасибо, – благодарно донеслось из-под кровати. – А противогаза у вас нету? Пока вы ходили, настоящий смерч пронесся надо мною. Очень не помешал бы противогаз.

Липочка потянула носом воздух и ответила:

– Да вы правы, но противогаз мне нужен самой.

Она вернулась в чуланчик и, не отыскав насоса, принялась героически надувать старый матрас своим прелестным ротиком. Это было очень непросто, пришлось потрудиться, Липочка запыхалась, у нее закружилась голова, но в конце концов матрас все же приобрел желанную плотность.

«Еще пару раз дуну и можно затыкать», – деловито решила Липочка и... дверь чуланчика распахнулась.

На пороге вырос благоверный – Иван Семенович.

Глава 3

Липочка была потрясена. Еще больше был потрясен Иван Семенович. Обнаружив в разгар ночи любимую жену в чуланчике с надувным матрасом в руках, он, паникуя, подумал: «Глаша права, мое солнышко какое-то странное сегодня». Скользнув испуганным взглядом по прелестям жены, просвечивающимся через ночную рубашку, по ее изящным босым ножкам, Иван Семенович спросил:

– Радость моя, что здесь происходит?

На вопрос ушло пять секунд – это как раз то время, которого хватит любой женщине, чтобы оправится от подобного удара. Липочка просияла улыбкой и воскликнула:

– Ваня, ты берешь отпуск, и мы едем отдыхать.

– Прямо сейчас? – опешил Иван Семенович, делая вывод, что психическое здоровье жены гораздо хуже, чем предполагала Глаша да и он сам несколько ранее.

– Нет же, – подсадовала Липочка. – Не сейчас, а завтра или послезавтра. Это зависит от тебя, точнее, от твоего бизнеса. Мне не спалось, я лежала, думала и поняла, что хочу на море: ты слишком много работаешь, тебе пора отдохнуть. Естественно, после такого прозрения улежать я не могла, решила проверить в каком состоянии твой любимый матрас. Он как новенький. Ваня, берем его с собой, – победоносно заключила Липочка.

Иван Семенович едва не прослезился, так растрогала его забота жены. «Я живу только ради тебя», – неоднократно заверяла его Липочка. Иван Семенович машинально верил, но теперь, неожиданно получив доказательство, он поверил очень осознанно и умилился: «Я вот сплю, а она не может заснуть, потому что обо мне все думает. Действительно, солнышко живет ради меня. Ангел, святая женщина, зато я подлец. Подлец и животное». Жена – ангел и муж – животное – рядовое положение вещей, но Иван Семенович не пожелал мириться с обыденностью. Он спешно все исправил, подхватив Липочку на руки, вернув ее в кровать и подарив ей себя три раза с такой страстью и нежностью, о коих та доселе и не слыхивала, в отличие от своей подруги-Глаши. Уж та-то была этой страстью по горло сыта, Желтухин для нее никогда не скупился...

Но вернемся в супружескую постель. Искерпавшись на жену духовно и физически, Иван Семенович откатился и мертвецки заснул, изредка радостно повизгивая – он был очень доволен собой даже во сне.

А вот Липочка пребывала в шоке – все произошло слишком стремительно. Ни на секунду не забывая о лежащем под кроватью Романе, она страдала, краснела от стыда и чувствовала себя участницей дикой оргии. Так и не оправившись от смущения, Липочка удостоверилась достаточно ли крепко спит ее муж и тут же заглянула под кровать.

– Я ничего не слышал, – опережая пояснения, заверил ее Роман. – Спал, как сурок.

– Сейчас принесу вам матрас, – благодарно шепнула Липочка и на цыпочках проследовала в чуланчик.

Матрас показался ей вялым, но надувать его Липочка не рискнула, отправила под кровать таким, какой есть, шепнув незваному гостю:

– Устраивайтесь поудобней.

– Спасибо, вы ангел, – восхитился Роман, чем напомнил Липочке мужа.

«Он славный», – непонятно о ком подумала она, укладываясь в постель и (устала) мгновенно погружаясь в дрему.

Но долго спать ей не довелось: Липочка только-только собралась посмотреть сладкий и бессовестный сон, где она вовсе и не Липочка, а легендарная Мессалина, принимающая в золотом шатре всех своих мужей (почему-то их было сорок), как вдруг одеяло пришло в движение и начало сползать. Почувствовав это, Липочка проснулась и сразу же нырнула под кровать.

– Что случилось? – ничуть не сердясь, заботливо поинтересовалась она.

Роман сконфужено сообщил:

– Очень не хотелось вас будить, но положение безвыходное... Видите ли, я живой человек и рано или поздно это должно было случиться... Даже не знаю как вас сказать.

– Скажите прямо, – посоветовала Липочка.

– Тогда я хочу в туалет. Нестерпимо. Как мне быть? Может тихонечко проползти по-пластунски?

Липочка представила как вдруг просыпается Ваня, слышит шорох или скрип двери, включает свет, а на полу полуголый мужчина...

– Ни в коем случае, – испуганно прошептала она, – по-пластунски не надо. Наденьте мою ночную рубашку и смело выходите из спальни, только не мешкайте. Если муж проснется, он подумает, что вы это я.

– А вы сами где в это время будете? – поинтересовался Роман.

– У вас под кроватью.

– Я согласен.

Липочка быстро перебралась под кровать, стянула с себя ночную рубашку, отдала ее Роману, а сама укрылась его одеялом. Рубашка была просторная, но все равно Роману она оказалась мала и отчаянно коротка. Выглядывая из-под кровати и глядя в спину удаляющемуся мужчине, Липочка, содрогаясь, отметила, что вряд ли муж примет Романа за свою жену. «Надо быть круглой душой, чтобы надеяться на подобное чудо», – решила она.

И ошиблась. Когда облегченный Роман вернулся в спальню, дверь скрипнула, и проснулся Иван Семенович. Снова не обнаружив рядом Липочки, поначалу он взволновался, но, заметив на пороге привидение в короткой ночной рубашке жены, радостно пробормотал:

– Солнце мое, ты где была?

Парализованный внезапным вопросом, Роман застыл как вкопанный, покрываясь холодным потом. А вот Липочка не растерялась и кокетливо пропищала из-под кровати:

– Ходила кое-куда.

– Мое солнышко делало пи-пи, – умилился Иван Семенович и ведь не ошибся, именно за этим Роман из спальни и выходил.

Однако Романа такая догадливость хозяина квартиры не радовала. Столбенея на пороге, он решительно не представлял, что предпринять – ведь Липочка говорила, будто муж ее страшно ревнив. Видя в тусклом свете луны какой грозной горой возвышается тот на кровати, Роман иначе как трагически свое будущее уже и не представлял. Его спину продрал мороз, а на голове вздыбились волосы, когда Иван Семенович, откинув одеяло, нежнейшим голосом призвал:

– Солнышко, не стой на голом полу, скорей беги ко мне, поцелую твою сладкую попку и погрею твои маленькие ножки.

Мертвецки холодея, Роман представил как сильно огреет его Липочкин муж, когда заметит подмену – колени его подогнулись. Липочке тоже стало нехорошо. Все осложнялось еще и тем, что она лежала под кроватью совершенно голая. Надо было срочно принимать хоть какие-то меры. Панически спасая положение, она зашипела Роману:

– Падайте, падайте на пол и ползите ко мне.

Как человек разумный, он понимал глупость такого совета и продолжал столбенеть. А вот Иван Семенович уже ничего не понимал. Теряя остатки сна, он раздраженно спросил:

– Солнышко, что с тобой? Что ты там шепчешь?

Липочка закашлялась и пропищала:

– Я поперхнулась, милый.

И следом добавила, уже обращаясь к Роману:

– Падайте, черт возьми, и ползите ко мне.

Огорошенный происходящим, Иван Семенович крикнул и шевельнулся в постели, Роман в панике рухнул на пол и по-пластунски пополз к Липочке. Она буквально содрала с него свою ночную рубашку, но натянуть на себя ее не успела – Иван Семенович, озадаченный поведением жены, покинул постель. Объятая ужасом Липочка с нечеловеческой скоростью вылетела из-под кровати. Прекрасно зная нрав своего мужа, она упала в его объятия и лихорадочно зашептала:

– Милый, я хочу тебя, немедленно, прямо сейчас, возьми меня! Возьми меня!

«Ну и дела», – только и успел подумать Иван Семенович, сраженный неожиданной страстью жены наповал – иначе не скажешь. Немного спустя, уже изможденный, засыпая, он подумал: «Да, Глаша права, солнышко мое совсем странное, но оно и к лучшему. Такой, пожалуй, она мне больше нравится. Так можно жить».

Однако Липочка не могла с ним согласиться. Она-то как раз думала, что так жить нельзя. Прижимая ночную рубашку к груди, она лежала и сокрушенно размышляла: «До чего я дошла, устроила вакханалию в присутствии постороннего человека. Это бесстыдство, настоящий разврат, но разве был у меня другой выход?»

На этой мысли она успокоилась, надела ночную рубашку и заснула, очень рассчитывая на то, что Роман поймет ее и не осудит; ведь спасала она его. Ночные казусы так измотали Липочку, что теперь уже бедняжка крепко спала без всяких сновидений. Можно представить как она рассердилась, когда вдруг почувствовала новое движение одеяла. Сунув голову под кровать, она прошипела:

– Почему вы мне спать не даете? Это свинство. Я к вам со всей душой, а вы злоупотребляете.

Роман с ней согласился:

– Да, вы очень добрая женщина, а я неблагодарная свинья, раз доставляю вам беспокойство.

– Беспокойство? – громко изумилась Липочка и, с ужасом оглянувшись на храпящего мужа, прошептала: – Это очень мягко сказано: вы меня просто терроризируете. Чего вы хотите на этот раз?

– Всего лишь воды.

– Ах, воды, – с облегчением вздохнула Липочка. – Здесь где-то был полный стакан, Ваня мне приносил. Но куда он его поставил?

Она пошарила руками по тумбочке, не нашла и вспомнила:

– Стакан на полу с другой стороны кровати. У Вани привычка все ставить на пол. Поищите сами, вам это проще сделать.

– Да-да, конечно, – согласился Роман.

Секунду спустя раздался шорох, грохот и легкий шелест ругательства.

– Что случилось? – с раздражением поинтересовалась Липочка.

– Вы говорите стакан? – утратил вежливость и Роман. – Это же не стакан, а целая пивная кружка. Я ее опрокинул. Теперь здесь море воды: литр, не меньше. Но напиться я все же успел.

– Море под кроватью? О боже!

– Не волнуйтесь, вода мне не мешает. Спасает надувной матрас. Слава богу он непромокаемый.

– Спасает вас, – возмущенно констатировала Липочка. – А кто спасет мой паркет?

Она нехотя покинула постель, вооружилась шваброй и принялась протирать пол. И тут, как назло, проснулся Иван Семенович. Точнее, он не сразу проснулся, а сначала сквозь сон, приоткрыв один глаз, обнаружил в комнате странное видение: нечто косматое в просторном белом и на метле. Разумеется за метлу Иван Семенович принял швабру, а жену свою, Липочку, соответственно за ведьму. Желтухин был материалист и нечистой силы не боялся обычно, но на этот раз почему-то он громко закричал, от чего и проснулся. Проснулся, включил свет и лишь тогда понял, кто стоит перед ним: его ненаглядная женушка, солнышко, радость, мышонок...

Иван Семенович умилился. Липочка же, парализованная криком супруга, застыла со шваброй в руках, не в силах сказать ни слова. Желтухин понял, что она чрезвычайно напугана и спросил:

– Что случилось?

Жена молчала. Тогда он зашел с другой стороны:

– А швабра тебе зачем?

– Решила полы протереть? – машинально выпалила Липочка, чем повергла супруга в ужас:

– Ночью?!

– Ну да, а почему бы и нет?

Иван Семенович (в который раз) вспомнил Глашу: «Как она права, совсем мое солнышко занедужило. Пора обращаться к врачу». Видя недоумение мужа, Липочка пояснила:

– Мне что-то не спится, Ваня, ты воду под ноги поставил, я пролила, а у нас новый паркет.

– Ах вот оно что, – прозрел Желтухин и на радостях добавил: – Раз я виноват, значит я и протру.

Он резво вскочил, выхватил швабру из рук жены и попытался заглянуть под кровать:

– Где там вода?

Ввергнутая в панику Липочка, завизжала:

– Ваня, нет, сейчас же вернись в постель!

– Почему?

– Я умру в тот же миг, когда мой муж возьмется за женскую работу!

Муж обалдел:

– Дорогая, но раньше ты так не считала. Сколько упреков выслушал я за то, что мало тебе помогаю.

– Да, – согласилась Липочка, – раньше я придерживалась других взглядов, но теперь все будет иначе. Отправляйся в постель. В конце концов это моя бессонница, а ты хочешь спать.

Но Иван Семенович был упрям – уж такой он мужчина: если взялся за дело, обязательно доведет его до конца. Слегка отстранив жену, он преисполнился решимостью заглянуть под кровать в поисках пролитой воды. Бедной Липочке ничего другого не оставалось, как прибегнуть к старому приему. Повиснув на шее мужа, она лихорадочно зашептала:

– Милый, я хочу тебя, немедленно, прямо сейчас, возьми меня! Возьми меня!

«Что с ней происходит?» – изумился безотказный Иван Семенович.

Нехотя отбросив швабру, он без прежнего энтузиазма взял жену и, обессиленный, откатившись, подумал: «Если так и дальше пойдет, на Глашу меня не хватит». И мертвецки заснул. Липочка же заснуть не смогла. Она, болезненно переживая случившееся, думала: «Да что же это такое? Настоящая групповуха получается: посторонний под кроватью, а мы с Ваней черт-те чем занимаемся. Экзистенциализм какой-то. Или нет, эксгибиционизм. Или нет... Короче, гнусность настоящая». Невыдержав душевных мук, она сунула голову под кровать и спросила:

– Как вы там?

– Сплю, как сурок, – незамедлительно просветил ее Роман. – И ничего не слышу.

– Ясное дело, – вздохнула Липочка. – Что вам еще остается. На самом деле я не такая. Надеюсь, вы меня не осуждаете?

– Ни в коем случае. Я потрясен вашей выносливостью.

«Что он имеет в виду?» – испугалась Липочка и, не удержавшись, спросила:

– Что вы имеете в виду?

Роман явно смутился:

– Что я имею в виду? Ну-уу... Вашу сообразительность. И ваше хладнокровие. Знаете ли, я теряюсь как раз тогда, когда жизнь требует максимальной концентрации. Поэтому вы меня восхищаете.

«Надеюсь, больше не буду», – успокаиваясь, подумала Липочка и с опаской покосилась на Ваню. Она уже собралась вернуть свою лохматую головку на подушку, как вдруг услышала странный звук. Он несомненно доносился из-под кровати.

– Вы слышите? – спросила она. – Словно кошка мурлычет. А теперь будто булькает слив-ной бачок. Что это?

– Это мой желудок, – смущенно признался Роман. – Он абсолютно пустой. Точнее, теперь там вода и революция.

– Очень громкая революция. Что будет, если Ваня проснется и услышит? – ужаснулась Липочка и мгновенно нашла выход: – Сейчас я вас покормлю.

Роман неожиданно заскромничал:

– Не надо, я до утра потерплю. Вы и без того из-за меня всю ночь не спите.

– Теперь уж все равно не усну, – отмахнулась Липочка и устремилась в кухню.

Выкладывая на поднос понемногу всего, что есть в холодильнике, она сокрушалась: «Как с ним нелегко, он словно ребенок: то пить, то есть, то писать. Совсем меня замотал, а мы с Ваней еще хотели завести сына». Здесь Липочка немного хитрила с собой: на сына супруги пока не замахнулись – всего лишь собирались завести щенка, да передумали. Ваня был против. Он боялся лишних хлопот. Наполнив поднос, Липочка вздохнула и отправилась в спальню. На пороге ее поджидала неприятность: дверь вдруг распахнулась, поднос загремел, Иван Семенович завопил не своим голосом. Перепуганная Липочка следом за ним издала нечеловеческий вопль, но узнав мужа, с досадой спросила:

– Ну что же ты сегодня все не спишь и не спишь, Ваня?

– Я не сплю? – поразился Желтухин.

Глава 4

Набрав побольше воздуха в легкие, Иван Семенович завопил:

– Я сплю, как покойник, но ты и мертвого разбудишь! Что ты бродишь всю ночь, Липа моя дорогая?!

– Я брожу? – изумилась жена.

– Ты бродишь!

– А ты?

– И я за тобой!

Иван Семенович в гневе включил свет и увидел на полу поднос и разлетевшиеся по сто-
ронам продукты. Он был потрясен:

– Что это?

– Еда, – обиженно поджимая губки, ответила Липочка.

– Еда?!

В который раз Желтухин вспомнил Глафиру: «Глаша права, мое солнышко свихнулось». И такая жалость охватила его к жене...

– Что с тобой, дорогая? Ты какая-то странная?

– Странная? – удивилась Липочка. – Я несла тебе завтрак в постель. Что ж тут странного?

– Завтрак? – в свою очередь удивился и Иван Семенович. – Ночью?

– Но ты сам попросил.

– Я?!!

Изумление мужа было столь велико, что Липочка растерялась.

– Может, мне это приснилось? – спросила она.

– Конечно приснилось, солнышко, мышка моя ненаглядная.

Желтухин чмокнул жену в лобик, сгреб на поднос продукты, вернул их в кухню и при-
казал:

– Пойдем, мой ангел, спать.

Липочка с радостью согласилась:

– Пойдем.

Иван Семенович уже укладывался в постель, когда ему вдруг почудился шорох.

– Солнышко, ты слышишь? – спросил он у жены.

Липочка откинула одеяло, но еще стояла босоногая на полу.

– Ничего не слышу, – заверила она, прекрасно понимая, кто шуршит.

– Да нет же, ласточка, звук доносится из-под кровати. Послушай, послушай.

Вознеся указательный палец, Желтухин призвал жену к тишине. И в этой тишине раз-
далось урчание голодного желудка. Роман затаился и перестал шуршать одеялом о надувной
матрас (звук специфический), но с желудком он ничего поделать не мог.

– Ха-ха! – возликовал Желтухин. – Что я говорил!

– Может это мыши, – растерянно предположила Липочка.

– А вот мы сейчас и посмотрим! – воскликнул Иван Семенович, резво устремляясь под
кровать.

Бедной Липочке ничего другого не оставалось, как прибегнуть к избитому приему.
Повиснув на шее мужа, она лихорадочно зашептала:

– Милый, я хочу тебя, немедленно, прямо сейчас, возьми меня! Возьми меня!

Желтухин наплевал на мышей и, собрав последние силы, приступил к исполнению супру-
жеского долга – будь он неладен. «Да, Глаша права, – чуть позже скорбно заключил он, про-
валиваясь в сон, – радость моя определенно сошла с ума и стала похотлива, как все дебилы.
Если и дальше так дело пойдет, придется отказаться и от Ниночки. Какое горе...» Липочка

тоже скорбела: «Боже мой, до чего я дошла! Что человек обо мне подумает?» Ей хотелось нырнуть под кровать и задать этот вопрос Роману, но прилетел сладкий Морфей – утомленная Липочка незаметно уснула. Она так крепко спала, что, против всех правил, не заметила пробуждения мужа, который, несмотря на перипетии ночи, неплохо себя чувствовал. Правда, он не испытывал традиционного физического подъема, который заставлял его, едва проснувшись, устремляться к жене. Не обнаруживая на одеяле привычного холмика, Иван Семенович крикнул, подумал: «Неужели старею», – и растерянно глянул на жену. Липочка, посапывая курносый носиком, сладко спала. «Лучше не буду будить мое солнышко», – с опаской решил Иван Семенович и покинул кровать.

Протопав босыми ногами к шкафу, он самостоятельно выбрал себе костюм, рубашку, носки и даже галстук. Грузно усевшись на кровать, он первым делом надел рубашку и принялся за носки. Они были новые, в упаковке, еще собранные на нитку. Эта нитка едва Липочку и не погубила. Разделяя пару, Иван Семенович не рассчитал силы, широко размахнулся руками – носки спикировали на пол и (какая подлость!) залетели под кровать.

– Эх-хе-хе, – удручился Желтухин и, пыхтя, (мешал отъезжий живот) опустился на четвереньки.

Липочка (какое чутье!) мгновенно проснулась. Обнаружив супруга стоящим на четвереньках и готовящимся заглянуть под кровать, она пришла в ужас. Бедняжке ничего другого не оставалось, как прибегнуть к уже всем надоевшему приему. Порхнув к Ивану Семеновичу, она повисла на его могучей шее и лихорадочно зашептала:

– Милый, я хочу тебя, немедленно, прямо сейчас, возьми меня! Возьми!

«Да что с ней, черти меня раздери, творится? – задался горестным вопросом Желтухин. – Этак, чего доброго, и от секретарши придется отказываться. Этак стану примерным мужем. Что у меня будет за жизнь?» – ужаснулся бедняга и с огромным трудом заставил себя выполнить супружеский долг. Страстно стеновая и сладко охая, Липочка усиленно гадала, что Ванечке понадобилось под кроватью и успел ли он заметить Романа. По всему выходило, что не успел. Липочка успокоилась; Иван Семенович изможденно затих. Едва супруги расцепили любовные объятия, Липочка поспешно спросила:

– Завтракать будешь?

Вопрос прозвучал непривычно, но Желтухин не стал вникать в его странность. Подумав, что надо бы успеть посетить Глафиру да забрать свой кейс до прихода ее мужа, он ответил:

– Пожалуй нет. Даже бриться не буду, ночью брился.

И он снова полез под кровать.

– Что ты там ищешь? – испугалась Липочка, не смея больше прибегать к своему приему – во всем нужна мера.

– Что я ищу? Носки, – скорбно ответил Иван Семенович.

– Какие носки?

– Коричневые в полосочку.

Липочка глянула на приготовленный серый костюм, с облегчением вздохнула и, торжествуя, сообщила:

– Коричневые в полосочку носки под стального цвета брюки не годятся. Ванечка, оставь их в покое, я тебе подходящие подберу.

– Спасибо, солнышко, – обрадовался Иван Семенович. – Тогда уж подбери и туфли.

Липочка подобрала и туфли. Несмотря на то, что супруг и сам не мешкал, она помогла ему одеться, застегнула все пуговицы на пиджаке, то и дело подбадривая ласковыми окриками:

– Поскорей, дорогой, опоздаешь. Опоздаешь!

Впервые в жизни Желтухин, собравшись впопыхах, вышел из дому ненакормленным. Усовестившись, уже в спину ему Липочка сердобольно спросила:

– Ванечка, неужели и кофе не выпьешь?

– Некогда, солнышко, – не оглядываясь, ответил Иван Семенович, бросая косой взгляд на дверь Глафиры.

К этой двери устремился он на цыпочках сразу же, как только Липочка, облегченно вздохнувши, устремилась под кровать к Роману. К огромной досаде ее он не спал, значит слышал что на кровати происходило. Какой ужас! Пока Иван Семенович втолковывал заспанной Глаше где и как он провел ночь, Липочка со слезами на глазах укоряла Романа.

– Видите, что вы со мной делаете, – восклицала она, имя ввиду невообразимое количество секса, неожиданно свалившееся на нее (хоть и по ее собственной инициативе).

– Сочувствую вам, – смущенно отвечал Роман. – Сочувствую, но ничем помочь не могу.

– Что мне с вашего сочувствия? – вдруг рассердилась Липочка и, топнув своей прелестной ножкой, потребовала:

– Немедленно вылезайте из-под кровати! Нам надо поговорить!

Роман заупрямился:

– Не могу, давайте так разговаривать.

– Не можете? Почему? – изумилась Липочка. – Сейчас-то вам что мешает?

– Стесняюсь.

– Стесняетесь?!!!!!

Липочка была потрясена и легко понять ее потрясение: после столь бурной ночи, казалось бы, стесняться уже и нечего, но он стесняется!

– С вашего позволения, поинтересуюсь: кого? Кого вы стесняетесь?

– Разумеется вас, – ответил Роман. – Видите ли, я в одних трусах. К тому же несвежих.

Вы плохая хозяйка.

– Я плохая хозяйка? – ахнула Липочка. – Ну вы и наглец!

– Я наглец? Да под кроватью пыли полно.

– Полно пыли? Ложь!

– Если не верите, загляните.

Липочка заглянула и без прежней уверенности промямлила:

– Не так уж и много здесь пыли.

– Конечно, я ее вытер своими трусами, – пожаловался Роман. – А теперь вы хотите, чтобы я в таком виде вам показался.

– Ночью вас вид ваш не слишком смущал, – ядовито заметила Липочка.

– Ночью и без него хватало проблем, к тому же было темно.

Она сжалилась:

– Ладно, я дам вам свой халат.

– Спасибо, но я не влезу в него.

– Что же делать?

– Не знаю.

Слегка поборовшись с собой, Липочка наконец сказала:

– Хорошо, так и быть, дам вам Ванин банный халат. Надеюсь, халат вас устроит?

– Разве у меня есть выбор? – в свою очередь поинтересовался Роман. – Или вы решили, что мне нравится сидеть под кроватью?

– Не умничайте, а поскорей вылезайте, – бросая ему халат, воскликнула Липочка.

– Неужели вы думаете, что я смогу натянуть на себя халат под кроватью? Здесь слишком тесно, этот трюк мне не по зубам. Будьте любезны, отвернитесь.

Липочка горестно вздохнула и покорно отвернулась. За ее спиной послышалась возня, шуршание и скрип кровати.

– Ох, как я вам завидую! – воскликнул Роман, располагаясь на супружеских одеялах и блаженно раскидывая ноги и руки. – Как здесь мягко, как широко. Не удивительно, что так часто дурные мысли в голову лезут...

Наткнувшись на гневный Липочкин взгляд, он осекся и проямлил:

– Простите.

– «Простите»? Бессовестный наглец! Я самоотверженно вас спасала, и вот она благодарность. «Дурные мысли». «Лезут». «В мою голову»? Вы что, глумитесь?

Пухленькие ручки взмыли и уперлись в бока; Липочка грозно двинулась на Романа:

– А ну вставайте! Ишь, разлеглись! Сейчас же признавайтесь кто вы и как попали в мою квартиру?

Он закричал:

– Клянусь, не помню!

– Не помните? Ха-ха! Сейчас вы быстро все вспомните! Нахал! Чем попрекает меня! Надо было вас на мое место поставить! То есть положить!

– Нет! Ни в коем случае! – вскакивая с кровати и забиваясь в угол, завопил Роман. – Я несчастный человек! У меня память отшибло!

Липочка смягчилась, перестала наступать и продолжила лишь с легким укором:

– Из-за вас я Ваню своего из дома вытолкала чуть ли не взащей, неумытого, кое-как одетого, голодного.

– Он ночью кролика ел, – поспешно напомнил Роман и с обидой добавил: – А у меня за сутки крошки не было во рту, если не считать дурацкого песочного торта, который терпеть не могу.

– Так это вы слопали мой торт? – изумилась Липочка. – И еще жалуетесь! Жаль, что не может этого слышать Глафира. Шизанутой обозвала она меня. Значит и полотенце вы намочили?

– Должен же был я помыть липкие руки, – оправдался Роман. – Я испачкал их в креме.

– А кто вас заставлял лопать мой любимый торт, когда в доме имеется холодильник, полный продуктов?

– Вы слишком плохо думаете обо мне: я не вор и не лазаю по чужим холодильникам.

– Ну конечно, – усмехнулась Липочка, – вы не вор, однако мой торт со стола умыкнули. Бедная Глаша обалдела, когда я начала корить ее.

– Торт совсем другое дело. Я был голоден...

– Послушайте, но торт мы ели после обеда. Так вы здесь давно? – прозрела Липочка.

Роман смутился:

– Ну, не так уж и давно. Всего лишь сутки.

Липочка обрадовалась:

– Ага! Значит память к вам вернулась! Или и не пропадала совсем! Врун! Обманщик! Сейчас же признавайтесь кто вы и почему залезли ко мне под кровать?

– Нет, этого я вам сказать не могу, – твердо ответил Роман, и Липочка рассвирепела.

– Ах вы наглец! – закричала она, набрасываясь на него с кулаками. – Я из-за вас страдала всю ночь, а вы голову мне морочите?! Вот вам! Вот! Вот!

Роман не сопротивлялся, лишь прикрывал лицо, но когда удары стали ощутимыми, он бережно взял Липочку за запястья и воскликнул:

– Умоляю, не надо, вы сделаете больно себе!

– Не только себе, но и вам.

– Хорошо, – сдался Роман, – я все расскажу, только не деритесь.

– Отпустите меня, – прошептала Липочка и подумала: «Какие сильные у него руки».

– Я все расскажу, – повторил Роман и...

Донесся звонок из прихожей. Еще звонок, и еще. И гроыхание в дверь.

– Муж вернулся! – испугалась Липочка.

Роман удивился:

– Разве у него нет ключа?

– Нет. Ключ остался в кейсе, а кейс украли. Я же вам говорила, что Ванечка этой ночью пришел домой в одних трусах.

Не заметив усмешки Романа, Липочка воскликнула:

– Прячьтесь обратно под кровать, – и выбежала из спальни.

– Святая женщина, – пробормотал Роман и вернулся на свое лежище.

Глава 5

Попрошавшись с женой, Желтухин толкнул дверь Глафиры и удовлетворенно пробубнил:
– Так я и знал.

Дверь действительно была открыта, а измотанная страстью мужа подруги Глаша спала сном праведницы. Когда Желтухин, побродив по квартире и не обнаружив своего кейса, потряс любовницу за плечо, та открыла припухшие глаза, сонно улыбнулась и блаженно простонала:

– Уже уходишь...

– Нет, только что пришел.

– Как – пришел? – мгновенно проснулась Глафира.

Она изумленно уставилась на серый костюм любовника, перевела взгляд на темно-синий, лежащий рядом с кроватью на стуле (в нем Желтухин вчера пришел) и спросила:

– Ваня, ты где был?

Желтухину вовсе не хотелось рассказывать о перипетиях прошедшей ночи.

– Некогда, Глаша, потом, – сказал он и деловито спросил: – Где мой кейс?

Глафира была разочарована:

– Так ты за кейсом пришел? А я думала...

Сбросив остатки сна, она схватила любовника за пряжку ремня и с силой потянула на себя, кокетливо воркуя:

– А кто мне скажет доброе утро? А где наш орел? Почему он не летит в свое гнездышко?

Пи-пи-питичка ждет его...

Сообразив о чем идет речь, Желтухин запаниковал. Он уже не чувствовал себя орлом, готовым лететь в любое гнездышко. Точнее, его «орел» вообще утратил способность летать, он был вял и апатичен.

– Некогда, Глаша, я страшно спешу.

– Спешишь? – Глафира была потрясена. – Что я слышу, Ваня, когда ты отказывался? Это займет не больше минуты, – принялась уговаривать она.

Желтухин с ужасом осознал, что даже мысль об «этом» ему отвратительна.

– Где мой кейс? – завопил он. – Я не могу без кейса идти на работу! Там печать! Моя печать!

– Господи, что с тобой? – остоленела Глафира. – Где ты был? И что там с тобой делали?

Изумляя самого себя, Желтухин начал дерзить.

– Не твое дело! – рявкнул он. – Я не обязан перед тобой отчитываться!

– Ах вот как! – обиженно поджала губы Глафира и, похлопав рукой по холодной постели, заявила: – Тогда ты кейс не получишь до тех пор, пока не расскажешь где всю ночь ошивался. Зная крутой нрав любовницы, Желтухин сдался и рассказал. Все как есть. Умолчал лишь о странном поведении жены, но Глафиру разве обманешь? Заметив легкий налет смущения в глазах любовника, она приказала:

– Не смей от меня ничего скрывать! Рассказывай!

И Желтухин, перекрестившись, выдал Липочку с головой.

– Я всегда говорила, что она похотливая сучка, – сквозь слезы смеха, подытожила Глафира.

Иван Семенович хотел возразить, но, почуяв опасность, промолчал – кейс действительно был ему нужен.

– Ну хватит, Глаша, хватит, – лишь сердито вымолвил он.

Но Глафира торжествовала. Непросто было ее остановить. Наконец, насмеявшись, она глянула в злые глаза любовника и подумала: «Правильно делаю, что держу своего Пончикова в тонусе. Удовлетворенный мужик – настоящее животное: неуправляем и агрессивен».

– Возьми свой кейс в шкаф в прихожей и поскорей отчаливай, импотент недоделанный, – презрительно процедила она и демонстративно накрыла голову одеялом, мол аудиенция закончена.

Иван Семенович полез в пиджак, лежащий на стуле, достал сотовый и, укладывая его в карман костюма, смущенно спросил:

– А что делать с моими вещами? Я же сказал жене, что меня обокрали.

Глафира не ответила, даже не шелохнулась.

– Глашуня, пускай все побудет пока у тебя, – униженно попросил он.

– Иди ты к черту! – огрызнулась Глафира.

Бедняга вздохнул и поплелся в прихожую. Из квартиры любовницы Желтухин вышел очень сконфуженный: все было не так, все не вписывалось в его норму. Прижимая к себе кейс, он рассеянно брел по ступеням и размышлял о своей неясной будущности. За этими мыслями и застал его телефонный звонок. Поспешно прижав трубку к уху, Желтухин услышал голос Галочки, своей секретарши и мысленно удивился: «До чего же писклявая. Неужели когда-то мне это нравилось?»

– Иван Семенович, – пропищала Галочка. – Вы не забыли, что сегодня у вас важное подписание?

– Не забыл, не забыл, бегу, – успокоил ее Желтухин.

– Бежишь-то ты, Ваня, бежишь, но сам договор я найти не могу. Что подписывать будем? – грозно поинтересовалась Галочка. – А партнеры уже звонили. Едут.

– Елы-палы! – ужаснулся Желтухин. – Договор-то я дома забыл. Спасибо, что напомнила.

И он помчался домой. Нетерпеливо звонил и стучал до тех пор, пока на пороге не выросла перепуганная Липочка.

– Почему ты так долго не открывала? – отодвигая жену в сторону и спешно направляясь в спальню, спросил Желтухин.

– Задумалась, – растерянно ответила Липочка.

Ничего лучшего ей в голову не пришло. Не зная намерений мужа, она пребывала в шоке. Впрочем, Желтухин этого не заметил, ему было не до жены. Он ворвался в спальню, снял со стены картину и принялся терзать замок сейфа.

– Что случилось, Ваня? – изумилась Липочка, нервно поглядывая на кровать.

– Ты так меня зае... заморочила, что я все документы забыл, – пожаловался Желтухин, доставая из сейфа папку с договором и укладывая ее в кейс.

Тут он вспомнил про печать и решил проверить, на месте ли она. Печать оказалась на месте. Удостоверившись, Иван Семенович успокоился и уже собрался вернуть коробочку с печатью в кейс, но слишком поспешил, сделал неловкое движение – печать выпала из коробочки и покатилась...

Закатилась, конечно же, под кровать, а куда ей еще катиться: ведь там голый мужчина. Иван Семенович охнул и уже собрался встать на четвереньки... Липочка ахнула и уже собралась закричать: «Возьми меня! Возьми!» Но, наученный горьким опытом, Желтухин вспомнил чем кончались его предыдущие походы под кровать и, испуганно покосившись на жену, попросил:

– Солнышко, ты мне не поможешь?

– Конечно, дорогой, – обрадовалась Липочка.

Она ловко порхнула под кровать и вернула мужу потерю. Нервно укладывая печать в коробочку, Иван Семенович подумал: «Надо сматываться поскорей, пока не началось». Захлопнув кейс, он торопливо направился к двери, уже взялся за ручку, но не успел. Липочка завопила:

– Ва-анечка!

Желтухин дернулся, словно его плеткой хлестнули, и, глядя на супружескую кровать, как на станок гестаповских пыток, взмолился:

– Солнышко, не сейчас! Не могу! Спешу! Страшно спешу!

– Понимаю, что спешишь, – удивленно хлопая кукольными ресницами, ответило солнышко, – но где ты кейс-то взял? Его же ночью украла.

Сообразив, что пыток не будет, Иван Семенович сначала облегченно вздохнул, но тут же обмер и мысленно себя выругал. Вот дурак, по запарке ворвался в квартиру с кейсом. Будто не мог у Глаши оставить. Да просто бросил бы у двери. Кто его взял бы? Кому он нужен? Там бумаги одни...

– Понимаешь, солнышко, какое странное дело, – медленно, с расстановкой, придумывая на ходу, начал он. – Невообразимое дело... Мг... Сам в толк взять не могу... Мг... Эээ... Как-то все необычно это, даже противоестественно... Эээ... Мг...

Липочка потеряла терпение:

– Да что ты в толк взять не можешь, Ваня? Что противоестественно?

– Да все. Все, – ответил Желтухин, решительно не представляя, что еще здесь можно добавить.

Липочка похлопала своими кукольными ресницами, подперла кулачками крутые бока и приказала:

– Ваня, не морочь мне голову! Сейчас же правду говори!

– Солнышко, правда такая, что ты не поверишь. Жуткие происходят со мной чудеса, – удручился Ваня.

«Со мной происходят чудеса не хуже, так почему бы не поверить?» – подумала Липочка и топнула ножкой:

– Не бойся, Ваня! Говори!

Иван Семенович приободрился и из него полилось:

– Представляешь, солнышко, только я вышел за дверь, только на пару ступенек спустился, глядь, в углу на площадке стоит мой кейс. Стоит, родной, одишешенек, никому ненужный, полный бумаг. Обрадовался я, взял его и на работу отправился.

Едва Желтухин вымолвил эту чудовищную ложь, как зазвонил его мобильный.

– Иван Семенович, – ругательно пропищала Галочка, – вы договор нашли?

– Нашел, нашел, – успокоил ее Желтухин.

– Так где он, Ваня? Не вижу ни договора, ни тебя!

– Буду! Скоро буду!

Иван Семенович скорбно уставился на жену, вот, мол, полюбуйся, дорогая, как нелегко достаются деньги: ни минуты покоя. Однако, Липочка, открыв рот, «любовалась» совсем не на мужа. Бедняжка ела глазами трубку мобильного.

– Ва-ня, а сотовый у тебя откуда? – осевшим голосом спросила она. – Ты же ночью в одних трусах притрусил...

– А-аа, сотовый! – как бы обрадовался Иван Семенович. – Я же как раз об этом и говорю. Только отошел от квартиры, только спустился на несколько ступеней, глядь, мой кейс на площадке в углу стоит. Открыл его, а там полно бумаг и сверху лежит мой сотовый. Ну и чудеса!

«Во втирает! Во втирает, подлец!» – подивился под кроватью Роман.

– И что? – спросила Липочка.

– Прихватил кейс да поспешил на работу, – продолжил Желтухин, заискивающе глядя на супругу.

Липочка хмурила лоб и кусала губу. Таким образом она обычно задумывалась, поэтому Иван Семенович струхнул:

– Что, солнышко? Не веришь? Не веришь в мои чудеса?

– Да верю, Ваня, – отмахнулась она, понимая, что если начнет рассказывать о своих, то муж, при всей своей доброте, точно свихнется.

Может даже залепит в лоб. Или в глаз. Теперь уже она ничему не удивится.

– Верю, Ваня, верю. На свете еще и не такое бывает, – горестно заключила Липочка. – Воры тоже люди. Посмотрели, что бумаги важные и вернули тебе. А телефон, наверное, и не заметили.

– Так все и было, – подтвердил Иван Семенович. – Воры – народ невредный. Им только денег нужно.

– Тут по-другому и не подумаешь, – успокоила его Липочка.

Роман под кроватью зашелся от зависти. Да-да, черной завистью позавидовал он Желтухину: «Надо же, такая святая простота и какому-то мудаку досталась. Верит буквально всему. Я и не мечтал, что еще есть такие». Иван Семенович тоже жену оценил. «Святая она у меня, чистый ангел», – подумал он, уже без всякой симпатии вспоминая Глафиру. Липочка тоже мужем была довольна. Как тут не быть довольной, когда Роман остался под кроватью необнаруженным, кейс найден, сотовый – тоже. Супруги с нежностью простились, и Иван Семенович счастливый отправился на работу. Теперь одна лишь на сердце была у него печаль: шлепанцы Глафиры, оставленные им в прихожей. «Ну, да ничего, – успокоил себя Желтухин, – как-нибудь обойдется. Ведь с рук сходило до сей поры». И действительно: все с рук сходило.

Далее Иван Семенович думал только о своей секретарше-Галочке. Точнее, он задавался вопросом, сможет ли и сегодня соответствовать ее девичьим требованиям и желаниям. Как-никак, здоровье сильно женой подорвано... С этой мыслью Желтухин на работу и отбыл.

А между тем, Липочка, простившись с мужем, принялась за Романа.

– Как вы попали в мою квартиру? – приступила к допросу она, едва тот выкарабкался из-под кровати.

– Разумеется в дверь вошел, – успокоил ее Роман. – Пока вы мусор выносили, я незаметно и скользнул.

– В трусах? Ведь дело было совсем не ночью! – изумилась Липочка, припоминая, что мусор она вчера выносила утром, проводив мужа на работу. Иван Семенович, как обычно, нежно простился с женой и отправился в свой офис. Тогда он еще не знал, что муж Пончиковой Глафиры отбудет в командировку. Узнал он об этом ближе к обеду и, бросив дела, помчался домой. Как положено, известил жену, приоделся и «укатил» в соседнюю квартиру. Но перед этим слегка размялся с супругой, чтобы (упаси боже!) не сплеховать и явиться в блестящей форме к Глафире. Теперь, вспоминая свое страстное (действительно страстное!) прощание с мужем, Липочка побагровела:

– Ах вы нахал! Так вы с утра торчите в моей спальне под кроватью?!

– Увы, с утра, – вынужден был подтвердить Роман. – Потому и голоден, как собака.

Липочка воздела руки к люстре и поделилась впечатлениями с потолком:

– Потрясающе! Он извращенец: врывается в мой дом в одних трусах и прописывается под моей кроватью!

Роман обиделся:

– Почему – в трусах? Я пришел в приличном костюме, но сразу же его снял и выбросил с балкона.

– Так это ваша одежда валялась внизу? – поражаясь, воскликнула Липочка.

– Да, моя, – гордо сознался Роман.

– Да зачем же вы, чудак-человек, такой дорогой костюм выкинули?

– Чтобы остаться в вашей квартире.

Липочка была потрясена:

– А что вам мешало остаться в квартире в костюме? Кстати, дворничиха уже утащила его.

– Очень хорошо, – одобрил Роман.

– Чему вы радуетесь? – удивилась Липочка.

– Свидетелям. Раз дворничиха видела мой костюм, значит я спасен. Теперь, когда есть свидетели, вы точно меня не выгоните. В противном случае я расскажу вашему мужу про наши близкие отношения.

– У нас нет отношений, не было и не будет! – отбрила наглеца Липочка.

– Не зарекайтесь, – посоветовал Роман. – В любом случае ваш муж поверит в худшее, это свойственно всем мужьям. Прикиньте сами: если я скажу ему, что мы любим друг друга три года, а вы будете все отрицать, какую версию ваш муж сочтет более правдоподобной?

Липочка прижала ладошки к пылающим щекам и выдохнула:

– Вы подлец!

Роман горестно покачал головой:

– Ни в коем случае. Я всего лишь несчастный человек.

– Да в чем же ваше несчастье? – взбесилась Липочка. – В том, что вы проникаете в чужие квартиры и не даете людям спокойно жить?

– Нет, не в этом! – с жаром воскликнул Роман. – Разумеется не в этом! Я порядочный человек и если пошел на такие неприличные, крайние меры, значит возникли серьезные причины. Моей жизни угрожает опасность! Смертельная! Я нуждаюсь в помощи! Один бог знает в какую жуткую переделку я попал!

– Один бог знает? – ужаснулась Липочка. – А вы?

Роман ее успокоил:

– Я тоже кое-что знаю и готов это вам изложить, если вы готовы меня послушать.

– Готова, конечно готова, – энергично затрясла кудряшками Липочка, загораясь любопытством.

– Извольте. Я считал себя счастливым человеком, – многообещающе начал Роман, но... не успел продолжить.

Из прихожей донесся звонок. Три звонка.

– Это Глаша! Моя подруга! – сообщила Липочка и заметалась: – Беда! Беда! Она ничего не должна знать! Она не должна вас видеть! Под кровать! Сейчас же под кровать возвращайтесь!

Глава 6

Пончикову Глафиру давно уже раздражало благополучие подруги. Эта дурочка, Олимпиада Желтухина, была счастлива всегда: и зимой, и летом, и в мороз, и в слякоть, и в нищете, и в изобилии. И хотя Глафира осознать не могла в чем это счастье заключается, завидовала и страдала она невообразимо. Да и было от чего страдать, сама-то Глафира была несчастна. Она считала себя женщиной достойной, но с очень несложившейся женской судьбой. Совсем наоборот (по мнению Глафиры) обстояли дела с Липочкой: дура-дурой, а только и делает, что таскает из барабана фортуны счастливые билетики. По этому случаю Глафира очень жалела себя и злилась на Желтухину.

«Ну почему у нее всегда такой вид довольный? – изумлялась Глафира. – Чему радоваться ей, этой Липке? Ни в чем она не состоялась. Я – глава фирмы, а у нее никакой карьеры, даже работы не имеет. Я деньгами сорю, она у мужа копейки клянчит. Квартирка ее скромненькая, не то, что у меня. Обстановка бедненькая, моей не чета. Муж – кобель. И пьянь. И бездельник. Дома пальцем о палец не ударит. С чего Липка взяла, что она счастлива? И сама она жирная. И жизнь ее проходит вдалеке от мужских глаз, на кухне, в засаленном домашнем халате, среди грязной посуды, швабр и пылесосов...»

На этом месте обычно Глафиру передергивало, и она принималась гадать как бы половчей открыть глаза безобразно счастливой подруге на все ее горести и беды. В общем-то, в этом и был основной смысл существования Глафиры: доказать всем женщинам, что они против нее просто тьфу! Пустое место!

Больше всего, почему-то, хотелось доказать именно Липочке.

Но как Глафира ни старалась, Липочка все равно была счастлива – счастлива не «потому что», а «вопреки всему». Согласно совету Козьмы Пруtkова «если хочешь быть счастливым – будь им», Липочка хотела и была.

Казалось, этому счастью ничто помешать не может: не чрезмерная полнота, не лень мужа, не домашний халат, не отсутствие карьеры, не бедная обстановка, не тесная квартира.

Однако, Глафира не унывала, подыскивая новые случаи ткнуть подругу носом в убогость ее существования. Вот и теперь, едва Желтухин удалился, она принялась обсасывать ситуацию.

«Забавно, – думала она, – муж ночью домой в одних трусах вернулся, а Липка даже не устроила ему маломальского скандала. Впрочем, хитрая она. Зачем ругаться с мужем? Возьмет и денег не даст. К тому же, нашего Ваню ничем уже не исправить: кобель, он и в Африке кобель. Это так, но не может же Липка после такого пассажа чувствовать себя счастливой. Конечно не может. Думаю, волосы на себе уже рвет да белугой ревет. А что я тут сижу и гадаю? Вот пойду и посмотрю. В конце концов, я лучшая ее подруга и просто обязана бедняжку поддержать в трудную минуту».

И такое на Глафиру нашло вдохновение, что она решила надеть свой самый дорогой наряд, чтобы окончательно добить эту дурочку-Липку. В этом наряде, тщательно покрашенная и щедро раздушенная, и предстала Глафира перед Липочкой – так сказать, во всем своем блеске. Липочка блеска ее не заметила, не до того Липочке было. Уже с порога она спешила поделиться с подругой радостью. Липочка и рта еще не раскрыла, но Глафира уже все поняла и пришла в ярость. «Что это? – мысленно негодовала она. – Радость? Откуда радость? Эта дура рыдать бы должна в три ручья!»

– Глаша, а у меня хорошая новость: Ваня вернулся! – воскликнула Липочка, отвечая на немые вопросы подруги.

– Так быстро? – изобразила недоумение Глафира, бросая косой взгляд на свои шлепанцы, прижившиеся среди обуви Желтухиных.

– Сама не ожидала! – взвизгнула от восторга Липочка. – Быстро вернулся, но страшно соскучился: прямо с порога набросился на меня, как дикий зверь!

«Жаль, нельзя тебе рассказать, сколько раз он на меня перед этим набрасывался», – поговорила Глафира и с деланным безразличием поинтересовалась:

– И как прошла его командировка?

Этим вопросом Глафира собиралась ввергнуть подругу в пучину горя, но вызвала бездну восторгов.

– Ой, Глаша! Ване так повезло! Нам так повезло! – радостно защелкала Липочка. – Представляешь, сначала его немного обокрали! Забрали все, а вот самое дорогое, «Ролекс», оставили.

– Как это – все? Он что, в одних трусах, что ли, вернулся?

– В одних трусах! – ликуя, подтвердила Липочка. – Но утром на лестничной площадке кейс свой нашел, а в нем – сотовый. Представляешь, как нам повезло?!

– Представляю, – брезгливо передергивая плечами, откликнулась Глафира и, сосредоточенно глядя на свои шлепанцы, спросила: – А что у нашего Вани на ногах было?

– На ногах? – Липочка задумалась. – Что-то я не припомню. Пришел, думаю, босиком. Да и важно ли это? Ой, Глаша, я так рада! Так рада!

– Чему?

– Как – чему? Тому, что Ванечка мой вернулся. Теперь он будет со мной. Я так без него скучаю!

Глафира насмешливо посмотрела на подругу и спросила:

– А не кажется ли тебе, дорогая, что у Вани нашего баба?

– Баба? – растерялась Липочка. – Какая баба?

– Обычная баба с жопой и сиськами, – ядовито пояснила Глафира.

Липочка зашла в тупик:

– Зачем Ване эта баба?

– Ну, знаешь ли, дорогая, годы твои уж не те, чтобы задавать такие вопросы. Самой знать пора. За тем, чтобы ее трахать.

– Тра-ах-ах?! – оторопела Липочка и рассердилась. – Нет, Глаша, мой Ваня не такой. Он никогда и никого не станет трахать! Он очень порядочный.

– Думаешь, порядочные не трахаются? – риторически поинтересовалась Глафира и, мастерски изобразив изумление, воскликнула: – О-оо, Липуся, а как к тебе мои шлепки попали?

Однако Липочку не заинтересовал этот ничтожный вопрос, она была поглощена глобальным – своим Ваней.

– Как ты могла так подумать о моем муже? – напустилась она на Глафиру. – Нас обокрали, у нас горе, а ты гадости мне говоришь! От тебя не ждала! Ты же лучшая моя подруга!

– Прости, я пошутила, – как бы пошла на попятную та. – Но, честное слово, Липусик, если бы мой Пончиков ночью в трусах явился, я бы помчалась искать «воров» среди соседей. Точнее, не воров, а воровок, которые приманивают к себе чужих мужей. Так откуда у тебя мои шлепанцы? Интересно, как они сюда попали? – снова спросила Глафира.

– Понятия не имею, – отмахнулась Липочка. – Мало ли как?

«Непробиваемая дура», – подивилась Глафира и, несолоно хлебавши, сообщила:

– Ладно, подруга, я на работу спешу. Привет нашему Ване.

– Обязательно передам, – пообещала Липочка, поспешно закрывая за гостьей дверь.

Вся во власти своих дум, она поплелась в спальню и потеряно опустила на пуфик рядом с туалетным столиком. Ошалевший Роман уже вылез из-под кровати и встретил ее вопросом:

– Кто приходил?

– Глаша. Подруга, – прошелестела Липочка, думая о своем.

«Не с ней ли спит этот Ванечка,» – заподозрил Роман, поражаясь какие мощные разыграваются драмы там, где, казалось бы, течет скучная рутинная жизнь.

Малые габариты квартиры, естественно, позволили ему слышать весь диалог слово в слово. Не обладая оптимизмом Липочки, Роман сделал правильные выводы, открыв для себя не только то, что Глафира – любовница Вани, но и то, что негоднице и хочется и колется всем об этом подробнее сообщить. В очередной раз восхитившись добрым нравом Липочки, он подумал: «Эту женщину мне сам бог послал. Такая не бросит в беде хорошего человека». Вспомнив Ваню, Роман мысленно добавил: «Не бросит и плохого».

Вдохновленный, он начал свой рассказ уже без всякого понуждения:

– Я был счастлив. У меня было все: доходный бизнес, любимая жена, дом – полная чаша, помощь друзей и зависть врагов. Все! Все было у меня! Но теперь ничего не осталось!

Придав скорбное выражение своему лицу, Роман сделал паузу и с чувством посмотрел на Липочку. Она вышла из задумчивости и, бойко ставя кулачки на бока, сказала:

– Черта с два! Мой Ваня мне не изменяет! Да и с кем тут изменять? В нашем подъезде нет никого приличного. Глашка вертит хвостом направо-налево, поэтому и других в том же подозревает. Как вы думаете, я права? Верен мой Ваня мне?

«Если и был неверен, то после этой тяжелой ночи точно вынужден верность блюсти», – мысленно ответил на вопрос Роман, но вслух сказал совсем другое:

– Будь я на месте вашего мужа, даже и не помыслил бы вам изменять.

Липочка расплылась в довольной улыбке и внутренне констатировала, что этот мужчина ей симпатичен. Особенно хороши его добрые полные губы. Полные губы, признак щедрости, великодушия. Такие губы не станут лгать.

– А вы женаты? – вдруг ни с того ни с сего поинтересовалась она.

– Да. Совсем недавно, практически только что я говорил об этом, – смутился Роман. – Должно быть вы не услышали.

– Должно быть, – согласилась Липочка. – Глаша все мысли из меня вытряхнула. Продолжайте рассказывать. Что с вами случилось?

– Пока ничего, но в ближайшем будущем может случиться. На меня уже покушались несколько раз.

Липочка испуганно всплеснула пухлыми ручками:

– Что вы говорите? И вы живы остались?

– Как видите, Олимпиада. Можно я так буду вас называть?

– Конечно можно, раз родители мои того пожелали.

– Да, я остался жив, – продолжил Роман, – но нельзя рассчитывать на везение. Надо срочно принимать контрмеры, а я и шагу сделать не могу на улицу. Сейчас меня ищут по всему городу: у всех моих знакомых, у родственников и друзей. Теперь вы понимаете, отчего я вынужден прятаться?

Она удивилась:

– Но почему в моей квартире?

– Потому, что здесь меня точно не станут искать. Мы видим друг друга впервые. Никто не подумает, что я могу у вас прятаться.

– Да нет же, – рассердилась Липочка, – я не о том. Даже в моем подъезде соседей полно. Почему вы именно меня выбрали?

– Не вас, а вашу квартиру, – уточнил Роман.

– Это одно и то же. Почему?

Он выдержал паузу и со вздохом сказал:

– Видите ли, Олимпиада, куда бы я ни попал, вопрос везде был бы один: почему выбрал мою квартиру? Отвечаю: случайно. Я покинул свой дом и, перед тем, как попасть к вам, долго

скитался по всяким подъездам. Почти всю ночь. Просто удивительно как эти бедные воры выкручиваются, ведь проникнуть в чужое жилье незаметно – практически невозможно.

– Слава богу, что хоть кому-то везет, – встала Липочка, сокрушаясь, что ей-то как раз и не повезло: он проник.

– Простите, мне очень жаль, – посочувствовал ей Роман. – Не хочу создавать вам проблемы, но выхода у меня нет. Теперь я просто счастлив, что попал к такой доброй и отзывчивой женщине.

Вспомнив ночное явление полууголого Вани и Липочкину реакцию, он подумал, что счастлив втройне. Такие доверчивые особы в современном мире большая редкость.

– Наскитавшись по подъездам, – продолжил Роман, – усталый и голодный, я почти отчаялся и в этот самый момент увидел вас выходящей из квартиры.

– Я вышла с мусорным ведром, – припомнила Липочка.

– Да, с мусорным ведром. Когда я понял, что дверь осталась открытой, не мешкая, шмыгнул в нее и сразу помчался в спальню.

– А как вы узнали, что в квартире нет никого? – удивилась Липочка.

– Зашел и узнал. Порывшись в шкафу, я понял и то, что семья состоит лишь из двух супругов. Конечно, лучше бы здесь жил один человек, но и это меня устроило. «Муж на работе, – подумал я, – а жену только что видел. Женщина с таким симпатичным и добрым лицом не может плохой быть».

– Подлизываетесь, – смутилась Липочка.

– Вовсе нет, совершенно искренен, – заверил Роман. – Только поэтому я и остался.

– Остались и сразу выбросили с балкона свою одежду. А потом залезли под мою кровать, чтобы меня шантажировать. Но ради чего?

Он наивно признался:

– Чтобы пересидеть здесь опасность.

– Что-оо?!

Липочка вскочила с пуфика и забежала по комнате, нервно приговаривая:

– Об этом не может быть и речи. Не может быть и речи. Еле пережила эту ночь. Чуть умом не тронулась, а вы собираетесь остаться на следующую? Нет-нет, об этом не может быть и речи.

– Неужели вы выгоните меня на улицу? – ужаснулся Роман. – Голого? Голодного?

– Нет, конечно, – успокоила его Липочка, – я вас одену и хорошенько накормлю. А потом уже выгоню.

– И вас не пугает то, что такими своими жестокими действиями вы обрекаете меня на верную гибель?

– Очень пугает. Страшно буду переживать, муками совести терзаться. Вероятно, я даже похудею и спать не смогу, но что тут поделаешь? Придется терпеть.

– А почему бы вам не потерпеть мое присутствие? И я буду жив и совесть ваша чиста останется.

Липочка призадумалась, вспомнила прошедшую ночь и запаниковала.

– Нет-нет! – закричала она. – Даже и не просите! Если Ваня подумает, что я изменяю ему, он этого не переживет! Боюсь, я тоже! Он очень вспыльчивый.

– Но я не хочу умирать! – запротестовал Роман. – Я еще молод и полон сил! Я жить хочу, поймите!

– Понимаю и очень хорошо, но не один вы такой. Это странно. Чего вы от меня хотите? Чтобы я помогала всем, на кого покушаются, да заодно и голодающим детям Анголы?

– Нет, только мне!

– Да чем вы лучше остальных? – удивилась Липочка, одержимая желанием избавиться от незваного гостя любым способом, лишь бы скорей. Роман понял это, бухнулся на колени, молитвенно сложил на груди ладони и проникновенно воскликнул:

– Я лучше остальных только тем, что уже стою тут, перед вами! Вы должны спасти мою жизнь! Вы обязаны! Вам деваться некуда!

– Как это – некуда мне деваться? – разволновалась Липочка. – Это что, угроза?

Роман вздохнул, поднялся с пола, демонстративно отряхнул колени, улегся на кровать и сказал:

– Увы, да. Помогите мне, в противном случае буду вас шантажировать. После этой ночи мне известно о вас все до мельчайших подробностей. Я в такие интимности вник, что ваш Ваня мне мигом поверит.

– Например.

– Могу изобразить как вы постанываете, какие ласковые словечки употребляете и даже знаю где живут ваши самые тайные родинки.

Липочка вспыхнула:

– Вот вы как?!

– У меня нет выбора, – пояснил Роман, с удобством располагаясь на кровати. – И никаких возражений я не приму. Подобру не уйду, а по-плохому вы сами не захотите.

Липочка схватилась за голову.

– И как долго вы собираетесь у нас жить? – простонала она.

– Это будет от вас зависеть.

Теперь уже Липочка схватилась за сердце:

– Вы убиваете меня! Чего вы от меня хотите?

– Всего лишь помощи, – развел руками Роман. – Если вы согласны мне помочь, я не выдам вас и покину вашу квартиру сразу же, как появится такая возможность.

– И все это время вы будете жить здесь? – со слезами на глазах пролепетала Липочка.

– Я устал повторять: нет другого выхода.

Глава 7

Липочка снова упала на пуфик и сидела не жива не мертва. Глаза ее рассеянно блуждали, в голове стучала одна только мысль: «Я пропала! Я пропала!»

Когда эта мысль стучать перестала и улеглась, появилась другая: «А почему, собственно, я пропала? Ваня дома редко бывает, в основном приходит поспать. И маршрут у него один: кухня-туалет-спальня. При таких условиях в нашей квартире может скрываться целая рота и даже полк, не то что один человек. А если повезет, Ваня и вовсе уедет в командировку».

Липочкин взгляд обрел осмысленность.

– Что я должна сделать? – спросила она.

– Совсем другой разговор, – обрадовался Роман. – Уверяю, ничего сложного вам не придется делать. Для начала купите мне одежду: думаю, спортивный костюм подойдет.

– Денег, конечно, у вас нет.

– А в каком кармане я их хранил бы?

– Та-ак, – пропела Липочка, уже предвидя затруднения, – приличный костюм стоит недешево. Таких денег нет и у меня. Придется идти просить у Вани, но что я ему скажу? Как обосновать необходимую сумму?

Роман был потрясен:

– Неужели вы не имеете карманных денег?

– Карманные имею, но они легко помещаются в мой карман. На них не слишком много купишь.

– Что у вас за муж? – изумился Роман.

– Ваня очень хороший, – поспешила сообщить Липочка.

– Может быть, но он держит вас в черном теле. Я свою жену никогда ни в чем не ограничивал. У нас общий счет, которым она всегда пользовалась по своему усмотрению.

– Тогда, может, я лучше пойду за деньгами к вашей жене? – обрадовалась Липочка.

Роман побледнел:

– Ни в коем случае!

– Почему?

– Потому, что за ней наверняка следят. Если вы встретитесь с моей женой, обязательно начнут следить и за вами. Представляете чем это мне грозит? Я вынужден буду покинуть и вашу квартиру.

«Это был бы оптимальный вариант», – подумала Липочка, но вслух сказала:

– Не волнуйтесь, деньги я возьму у мужа.

Роман облегченно вздохнул и посоветовал:

– Купите костюм подешевле, раз уж у вас такой прижимистый супруг.

– Ваня совсем не прижимистый, – обиделась Липочка, – просто в нашей семье заведено, что деньгами он распоряжается, и всех это устраивает. А костюм я подберу по своему вкусу, сколько бы он не стоил. Пойдемте на кухню, – скомандовала она.

– Зачем?

– Перед уходом вас покормлю.

– Вы святая! – восхитился Роман.

* * *

Когда Липочка вернулась с костюмом, в спальне Романа она не нашла. Не было его и на балконе. И в гостиной. И в кухне. И в чуланчике. И в ванной. И даже в туалете. Когда

выяснилось, что нет его и в шкафу, и за диваном и под столом, сердечко Липочки тревожно забилося. «Но почему? – удивилась она. – Почему я пугаюсь? Радоваться должна».

И в тот момент, когда Липочка собралась радоваться, с балкона вышел Роман.

– Где вы были? – рассердилась она.

– Искал пути отступления. Оказывается, они имеются. Если ваш Ваня вдруг заподозрит неладное, я легко отсижусь на соседнем балконе. Он страшно захламлен.

Складывается впечатление, что лет десять туда человеческая нога не ступала.

Липочка сообразила, что речь идет о балконе Пончиковой Глафиры и испуганно воскликнула:

– Вы лазали к Глаше?!

Роман рассмеялся:

– Ага! Так это ваша подруга такая грязнуля!

– Она не грязнуля, а очень деловая женщина. Ей некогда.

– В любом случае нам это на руку. Есть куда отступить.

– А если она вас заметит?

– Я фенечку ей сочиню, мол лезу с соседнего этажа, скрываюсь от ревнивого мужа...

Надеюсь, вы вне подозрения?

– Я – да! – гордо сообщила Липочка. – Чтобы из моей квартиры лез мужчина да на Глашин балкон? Нет, это исключено. Скорее наоборот.

Скептически оглядев Романа – в коротком халате мужа он был смешон – Липочка протянула ему пакет:

– То, что вы просили.

Роман обрадовался, вытряхнул из упаковки костюм и замер в недоумении.

– Вы обещали подобрать по своему вкусу, – грустно напомнил он.

– Вам не нравится? – удивилась она.

Роман пожал плечами:

– Во всяком случае теперь хоть знаю какой у вас вкус.

Тут взгляд его упал на новое, очень элегантное платье Липочки. Роман хмыкнул, покачал головой и брезгливо потряс свой дешевый костюм:

– Надеюсь, это не «секонд-хенд»?

– Пришлось потратить все деньги мужа.

– Все?! – опешил Роман, другими глазами взглянув на обновку. – Неужели все?!

Липочка уточнила:

– Все, из тех, что он дал.

– Он столько дал?! Ну-уу! – Роман снова уставился на костюм, а потом закатил глаза. – Как у вас все запущено! Я думал, он просто скупец, но выходит гораздо хуже. Он патологически жаден, Ваню пора лечить. Кстати, что это на вас за симпатичное платье? Насколько я помню, вы в другом уходили.

Липочка просияла:

– Вам нравится?

– Просто блеск. Сразу видно: стоит недешево. С вашего разрешения попробую: вы это на деньги, оставшиеся от моего костюма купили?

– Да, – наивно призналась Липочка. – Понимаете, сложилась такая традиция: как только Ваня дает мне деньги, я сразу бегу в магазин.

– Теперь ясно почему он старается реже их вам давать, – уныло натягивая на себя спортивный костюм, прозрел Роман. – И я еще обвинял его в скупости... Но это ваше дело, – спохватился он, – а мне бы хотелось вернуться к своему.

– Да-да. – согласилась она.

Роман внимательно посмотрел на Липочку:

– Вы не устали?

– Отчего? – удивилась она.

– От похода по магазинам.

Ей стало смешно:

– Какая женщина устанет от этого?

– Я рад, что вы в хорошей форме, – одобрил Роман, – тогда для вас не составит труда съездить на Казанский вокзал и забрать из камеры хранения мои вещи.

Номер ячейки я вам сообщу.

– Ваши вещи? – изумилась Липочка. – Что ж вы морочили мне голову с костюмом? Ха! Его вещи! И сколько же мест?

– Всего три.

Бедняжка едва не задохнулась от негодования:

– Всего три?! Три! Черт возьми! Небось три неподъемных чемодана! Ха! Ну и дела! А мебель, простите, перевозить сюда вы не собираетесь? К примеру, ваш любимый диван или кровать...

Роман идею не осудил:

– Мысль неплоха. Из вещей я взял бы, пожалуй, портрет жены, но не волнуйтесь, и этого делать не буду. Мне нужен мой ноутбук – это первое место. Второе место – сотовый телефон, третье – пейджер.

Липочка удивилась:

– И все?

– И все.

– Что ж, я поехала, давайте номер ячейки.

* * *

Когда она вернулась с вещами, Роман оживился.

– Ну вот, наконец-то делом займусь, а то с тоски помирать уже начал, – обрадовался он, поспешно открывая свой ноутбук и тут же намертво забывая про Липочку.

Вскоре в ход пошел и сотовый, и пейджер. Роман, устроившись за обеденным столом, энергично вел с кем-то переговоры. Между делом он что-то настукивал в ноутбук, слал послания в Интернет, принимал на пейджер. Короче, работа кипела. Потрясенная Липочка долго за ним наблюдала и, не выдержав, спросила:

– Что вы делаете?

– Деньги зарабатываю, – не отрываясь от своего занятия, сообщил Роман.

«Вот это номер! – поразились Липочка. – Вломился в квартиру, потеснил хозяев и знай себе зарабатывает. Ну и наглец!»

– Очень мило! – возмутилась она. – А я вам, простите, не мешаю?

– Мешаете.

– Ха! Я уже мешаю ему!

– Почему – уже? Вы практически сразу мешали, но я смирился, – уточнил Роман.

– Великолечно! Я рада, что у вас покладистый характер, но что прикажете делать мне, пока вы тут «стрижете капусту»?

– Что?

– Да-да, «стрижете капусту», иначе я это не назову! – Липочка грозно подперла бока: – Так чем прикажете мне заняться, чтобы вам не мешать?

Роман нехотя отвлекся от дел, рассеянно посмотрел на Липочку и сказал:

– Вам нужно срочно посетить «Клеопатру», это стильный салон.

– Спасибо, я знаю, недавно там выводила веснушки и делала стрижку.

– Очень хорошо, – одобрил Роман и, глянув на часы, попросил: – Поспешите, пожалуйста, а то она скоро уйдет.

«Ну уж нет, сегодня больше никуда не пойду: в доме не прибрано и ужин Ване не приготовлен», – вскипая, подумала Липочка и сердито спросила:

– Кто – она?

– Моя жена.

«Ах вот оно что, его жена...» Липочка призадумалась: «А почему бы и не пойти? Наверняка Ваня поздно с работы вернется. У него много дел. Давая мне деньги, он выглядел очень озабоченным. Конечно я успею и прибраться, и ужин приготовить. Интересно все-таки глянуть, что за фифа окрутила этого наглеца?» Пауза затянулась. Роман с досадой спросил:

– Так вы пойдете?

– Пойду, – поспешно ответила Липочка. – Но как я найду ее, вашу жену?

– Легко. Она у Пьера причесывается.

Липочка удивилась:

– Надо же, у нас один мастер!

– Значит мне повезло, ваш визит не у кого не вызовет подозрения, – обрадовался Роман и взмолился: – Пожалуйста, не стойте, идите.

– Скажите хотя бы как она выглядит.

– Зачем? Она же причесывается у Пьера. Увидите кто у него в кресле и сразу поймете. Впрочем, – Роман махнул рукой, – моя жена высокая стройная блондинка с огромными голубыми глазами. Вы сразу ее узнаете. Она там будет самая красивая. Поспешите.

Он нервно глянул на часы и воскликнул:

– Скоро она из салона уйдет. Бегите, бегите, постарайтесь успеть.

– Успею-успею, – заверила его Липочка и, сломя голову, понеслась из квартиры.

Пробежав два лестничных пролета, она вдруг подумала: «А что я должна сказать этой его жене?»

Липочка вернулась и адресовала свой вопрос Роману.

– Ничего, – ответил он. – Ничего говорить ей не надо. Просто посидите поблизости и послушайте. Она все расскажет сама. Я хочу знать как она поживает. Я волнуюсь за нее, понимаете?

– Понимаю. А если она будет молчать? – усомнилась Липочка.

– Молчать? Моя жена? – рассмеялся Роман. – Коли так, не тратьте времени даром. Сразу уходите. Если женщина будет молчать, это значит только одно: моя жена ушла из салона. Уверю вас, она обязательно заговорит: или со стилистом, или с его клиентками, или по телефону. Моя жена настоящая женщина, она и двух минут не умолчит. Но что я-то разболтался, задерживаю вас. Бегите, бегите, – спохватился Роман.

Охваченная любопытством Липочка убежала.

Глава 8

В салоне открылась новая проблема: Липочка вспомнила, что кошелек ее пуст. То есть, не совсем пуст, конечно. Кое-какая мелочишка там все же водилась, но ее не хватало даже на то, чтобы Пьер своим волшебным гребешком коснулся (хотя бы разочек) Липочкиной челки. Пока она хмурила лоб и кусала губы, Пьер заметил ее и с дежурным восторгом приветствовал. К радости Липочки он выразил удивление, что она явилась без предварительной записи.

– Я здесь с приятельницей за компанию и ничего делать не буду, – успокоила его Липочка, жадно шаря по салону глазами в поисках супруги Романа.

Однако по запарке она не учла одного: способности Пьера принимать одновременно сразу по нескольку клиенток. И, как назло, во всех его креслах сидели голубоглазые дамы и все, как одна, блондинки. Накрытые пеньюарами, они были не слишком стройны. Определить каков их рост тоже было непросто. Не могла Липочка воспользоваться и основной приметой: болтали взахлеб все и хором. Касаемо красоты: ей все показались уродинами. «Ну, – пригориюнилась Липочка, – и за кем здесь я должна наблюдать? Сразу видно, что Роман никогда не бывал в женских салонах».

Поломав голову, она выбрала самую болтливую и начала наблюдать за ней. Та с кем-то разговаривала по сотовому и кричала так, что возникал вопрос: зачем ей телефон? Такая легко докричится хоть до Осло, хоть до Пекина.

В общем, Липочке не пришлось напрягать свой слух. Обсуждалось чье-то здоровье. Все как обычно у женщин: вялость, слабость, плохой сон, головокружение и бессилие, совсем не мешающие энергичной жизни... Поскольку муссировался обычный дамский набор, Липочка не заметила подвоха и слушала, подремывая, в пол-уха. Встрепенулась она, когда дело дошло до климакса. Встрепенулась и, опуская приличия, задала блондинке вопрос:

– Простите, о чем климаксе идет речь?

– О моем, конечно, – с возмущением ответствовала та. – О чем еще я могу говорить.

– Боже, какие чудеса творит современная медицина! Вы выглядите не старше двадцати пяти! – восхитилась Липочка.

– Спасибо, дорогая, – порадовалась блондинка. – Я и сама много работаю для этого. Вот и сейчас неутомимо тружусь.

Блондинка-то порадовалась, а вот Липочка удручилась: «Эта жена для Романа старовата. Выходит, я подслушивала не ту! А кого? Кого надо подслушивать?» И в этот момент театральным жестом Пьер снял с клиентки пеньюар и воскликнул:

– Готово!

Из кресла выпорхнула вполне сносная блондинка и закрутилась перед зеркалом.

– Я довольна, – жизнерадостно сообщила она всем и чмокнула Пьера в щеку.

«Может эта – жена? – подумала Липочка. – Длинная, плоская, с глазами навывкат, все как Роман говорил. Красоты в ней немного, но разве мужчины разбираются в женской красоте?»

Блондинка, скороговоркой прощепетав как она занята, как устала и как много еще собирается успеть, распрощалась с Пьером и устремила в холл. Липочка поспешила за ней, радуясь тому, что блондинка еще и болтлива – все как Роман говорил. На ходу та достала сотовый и явно не собиралась молчать: значит будет что рассказать ее мужу.

Но о чем она говорит? Хвастает? Счастлива? Все у нее прекрасно? Собирается на премьеру? Купила роскошный туалет? Гадает какие выбрать туфли?

Нет, она не похожа на убитую горем жену, жаждущую отыскать своего пропавшего мужа. Да и есть ли муж у нее – о нем ни слова. Липочка была разочарована: снова ошибка. Она уже собралась покинуть блондинку и вернуться в салон, но вдруг услышала:

– Что? Чем ты интересуешься, дорогая? А-а, где мой Ромик? Не спрашивай. Роман куда-то пропал. Когда? Вчера утром. Нет, раньше, позавчера вечером. Короче, не вернулся с работы. Прислал записку, что будет нескоро. Думаю, опять в командировке.

Липочку словно током пронзило: «Она! Все сходится: худая, длинная, лупоглазая, страшная трещотка и муж Роман. Пропал позавчера. Все сходится. Но что она болтает? Боже! Бедный Ромочка! Он и не подозревает, что у него ветвистые рога. Или я ошиблась? Может эта фифа чужого любовника обсуждает?»

Сердце Липочки облилось кровью. Догадка была страшна. Ей очень хотелось ошибиться, но не тут-то было. Блондинка закончила разговор и готова была начать новый: она уже набирала номер. Набрала и сразу заворковала.

– Але, мой пупсик, – кокетливо пропела она явно не мужу.

На всякий случай Липочка отметила: «Надо спросить у Романа не звонила ли ему жена». Дальнейшее показало, как она наивна: блондинка, ликуя, принялась рассказывать пупсику, что муж ее надолго отбыл в командировку. Однако, что-то не складывалось. Пупсик, очевидно, сопротивлялся, он был несвободен. Судя по всему, он согласился сопровождать блондинку в театр, но давал ей понять, что этой ночью страшно занят.

– Ничего, – успокоила она его, – впереди у нас много ночей, а сегодня ограничимся театром. Мне очень надо туда. Почему? Хочу срочно всем показать свое новое платье.

«Какая пустышка», – подумала Липочка, покидая салон и горюя над горем Романа.

Несмотря на свою занятость, он ее ждал. Это было видно по тому, как он оживился, как взглянул, когда она вошла в кухню.

– Ну что? Вы видели ее? – нетерпеливо спросил он.

– Видела, – грустно ответила Липочка. – И видела, и слышала.

– И как идут у нее дела?

«Господи! Как идут у нее дела! Разве ему об этом расскажешь?»

Липочка строго посмотрела на Романа и спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.